

А. А. ПОЛЕЩУК

DIMITROFF

ГЕОРГИЙ
ДИМИТРОВ

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
В КРАСКАХ ЭПОХИ

Александр Полещук

**Георгий Димитров. Драматический
портрет в красках эпохи**

«Алетейя»

2018

УДК 94(497.2)+929 Димитро
ББК 63.3(4Бол)6

Полещук А. А.

Георгий Димитров. Драматический портрет в красках эпохи /
А. А. Полещук — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-906980-85-4

Наиболее полная на сегодняшний день биография знаменитого генерального секретаря Коминтерна, деятеля болгарского и международного коммунистического и рабочего движения, национального лидера послевоенной Болгарии Георгия Димитрова (1882–1949). Для воссоздания жизненного пути героя автор использовал обширный корпус документальных источников, научных исследований и ранее недоступных архивных материалов, в том числе его не публиковавшийся на русском языке дневник (1933–1949). В биографии Димитрова оставили глубокий и драматичный отпечаток крупнейшие события и явления первой половины XX века – войны, революции, массовые народные движения, победа социализма в СССР, борьба с фашизмом, новаторские социальные проекты, раздел мира на сферы влияния. Поэтому жизнеописание Димитрова выходит за рамки личной судьбы и доносит до нас образ ушедшей эпохи. В нем затрагиваются многие вопросы, остающиеся и сегодня предметом общественного интереса и дискуссий. По мере осмысления уроков прошлого, считает автор, портрет Димитрова будет дополняться новыми красками. Обстоятельная биографическая книга о Георгии Димитрове, сочетающая достоинства документального исследования и литературного повествования, представляет интерес как для профессионалов-историков, так и для любителей неторопливого исторического чтения.

УДК 94(497.2)+929 Димитро
ББК 63.3(4Бол)6

ISBN 978-5-906980-85-4

© Полещук А. А., 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

От автора	7
Из болгарской тетради. Пролог	8
1882–1912. Без страха и сомненья	12
Ополченская, 66	13
На пороге неведомого века	19
Социалистическое взросление	24
Любица	31
Такова классовая борьба	36
1912–1923. Благо революции – высший закон	42
Балканский порох	43
Как стать депутатом	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Полещук Георгий Димитров: драматический портрет в красках эпохи

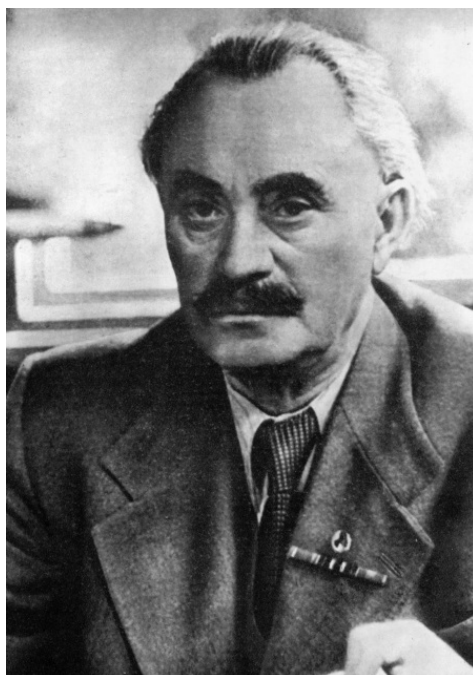
*Высокие цели, хотя бы и невыполненные, дороже нам низких целей,
хотя бы и достигнутых.*

Гёте (Из записей Г. Димитрова)

Рецензенты:

профессор Йордан Баев,

доцент Эмилия Лазарова (Болгария)

*В оформлении использованы: фотоколлаж Джона Гартфилда (1933), фотоснимки
Михаила Янкова и автора книги*

От автора

Первый вариант этой книги был закончен в 1991 году, но, к счастью, не был издан. «К счастью» – потому что в последующие годы появились многочисленные сборники документов и исторические исследования, прямо или косвенно раскрывающие те или иные стороны жизни и деятельности Георгия Димитрова, стали доступными архивы, и в 2012 году я заново, практически с чистого листа, начал писать его художественную биографию.

Несколько слов об этом жанре. У него два родителя – историческая наука и художественная литература. Опираясь на достоверные источники, автор хронологически воспроизводит жизненный путь героя и в то же время стремится воссоздать черты его личности, проникнуть в мир его мыслей, понять мотивацию поступков и т. д. Используются такие стилистические приемы, как повествование, изображение и рассуждение, осторожно высказываются версии, восполняющие пробелы и неясности в его биографии. Однако вымышленные персонажи, придуманные сюжетные ходы, а тем более выдумки, рассчитанные на сенсацию, этому жанру противопоказаны.

Руководствуясь такими соображениями, я работал с источниками в Российской государственной библиотеке, Государственной публичной исторической библиотеке России, Российском государственном архиве социально-политической истории, в Центральном государственном архиве Республики Болгарии и Национальной библиотеке имени святых Кирилла и Мефодия, а также критически пересматривал свои заготовки и конспекты прежних лет. Я хотел найти свой ответ на вопрос: «Кто вы, Георгий Димитров?» Удалось ли мне это – судить читателю.

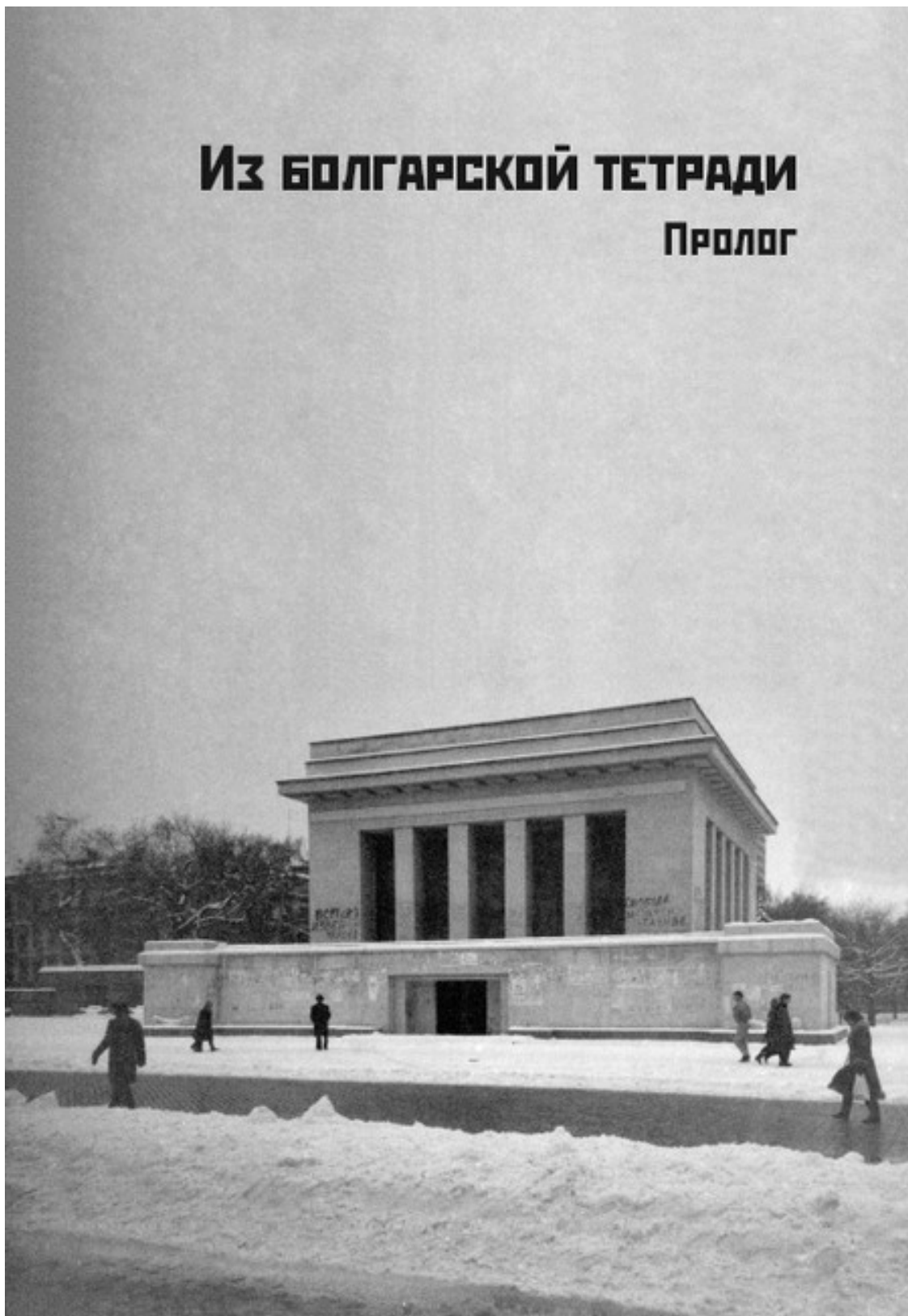
Считаю необходимым сказать о ценной помощи, оказанной мне на первом этапе работы над книгой ныне не существующими учреждениями – Национальным музеем Георгия Димитрова и Центральным партийным архивом при ЦК Болгарской компартии, редакцией советско-болгарского журнала «Дружба», Музеем Георгия Димитрова в Лейпциге. С благодарностью называю имена родственников и соратников Георгия Димитрова, хранителей исторической памяти, исследователей-историков и коллег по литературному цеху, чьи воспоминания, советы, дружеская поддержка и содействие помогали мне в работе над книгой. Это Георгий Л. Димитров, Лиляна Л. Димитрова, Цола Драгойчева, Лучезар Еленков, Магдалена Исаева, Мито Исусов, Илия Николчин, Димитр Пеев, Илко Славов, Росица Стоянова, Веселии Хаджиниколов, Георгий Чанков, Мария Червендинева, Ирина Червенкова (Болгария); О.Н. Димитрова, Ф. Г. Димитрова, А.А. Исаев, И.И. Меланьин, Мэн Циншу, Г.М.Полещук, В.Д. Попов, Ю.Л. Семёнов, В.И. Фирсов, Ф.И. Фирсов, К.К. Шириня (СССР – Россия); Г. Бернгард (ГДР) и многие другие.

Признателен за помощь в сборе материала и издании книги председателю ЦК КПРФ Г.А. Зюганову, а также председателю Фонда «Устойчивое развитие для Болгарии» Станке Шоповой, сотрудникам Фонда Эмилии Лазаровой и Валентину Петрову.

Особенно важны были для меня советы и консультации доктора исторических наук, профессора Йордана Баева, полученные как в 1980-е годы, так и сейчас.

А теперь – в путь, дорогой читатель! Муза истории Клио призывает нас перенестись в Софию и окунуться в жаркое лето 1990 года...

Из болгарской тетради. Пролог

1990. 9 июля. Собираясь в очередной раз в Болгарию, я предполагал увидеть здесь значительные перемены, но действительность, как говорится, превзошла самые смелые ожидания.

Благонамеренная София сделалась похожей на взбудораженный осиный рой, разделившийся на враждующие кланы, готовые смертельно жалить и гнать друг друга.

Вот и первая примета нового времени: по улице Графа Игнатиева движется демонстрация. Скандируют: «БСП! БСП!» Это сторонники Болгарской компартии, недавно переименовавшей себя в социалистическую. Демонстрантов сопровождает густая толпа. Крики: «Долой! Дураки! Деревенщина! Вон из Болгарии!» Расставленные в виде буквы «V» пальцы демонстрантов и угрожающие кулаки толпы.

Вечером в писательском клубе душно и влажно, табачный дым стелется над столиками. Кругом спорят, смеются, делятся новостями. Главный предмет обсуждения – завтрашнее открытие Великого народного собрания, где у оппозиции немного меньше мест, чем у социалистов. Около 10 часов вваливаются писатели, участвующие в молчаливой забастовке у резиденции президента. Их немного, человек пять – семь, но они возбуждены, разговаривают нарочито громко и потому обращают на себя всеобщее внимание. Рассаживаются в круг, сдвинув столы, шумно едят и пьют. Подкрепившись и отдохнув, писатели возвращаются на забастовку. (Интересно, как понимать словосочетание «бастующий писатель»? Тот, кто перестал писать, чтобы досадить властям?..)

Двенадцатый час. Несмотря на позднее время, идём с коллегой в лагерь бастующих – Город истины. В отличие от братьев-писателей, которые подкрепились мясом и вином, обитающие здесь молодые люди довольствуются купленными поблизости бутербродами и кока-колой. Одни готовят ночевать в палатках или в спальниках, другие будут бодрствовать всю ночь. Танцуют, слушают записи, негромко подпевая. Повсюду разнокалиберные плакаты: «Зона, свободная от коммунизма», «С провокаторами не разговариваем», «Молчаливое присутствие». Девушка растянула гамак между липами, лежит, глядя в чёрное небо, – молчаливо присутствует.

Город истины занимает примыкающую к Партийному дому часть вытянутой площади Девятого сентября. Раньше сюда, к зданию ЦК БКП, подруливали, деликатно шурша шинами, «мерседесы» высшего руководства и «волги» тех, кто пониже рангом. У входа в здание стоял автоматчик, а на перекрёстке дежурил милиционер. Торжественная тишина окутывала площадь, и казалось, что такая же торжественная тишина разлита за зашторенными окнами массивного здания с вознесённой над фронтоном красной звездой. Несколько сонное состояние центральной площади подчёркивалось неработающим фонтаном. Теперь на этом сооружении развевается огромный плакат «Коммунизм уходит».

10 июля. В поведении бастующих ощущается нервозность. Они явно не привыкли находиться в центре общественного внимания, а тут пресса, телевидение, зеваки, сочувствующие. Сознают, что они первые, но главное – нет уверенности, что власти и впредь будут бездействовать, не разгонят Город истины. Успеть сделать большой глоток свободы.

Толпа куда-то повалила. Вытягиваю шею, насколько могу, встаю на цыпочки, но вижу только поднятые руки. Одни – с растопыренными V-образно пальцами, другие – с опущенным вниз большим пальцем, как делали когда-то римские граждане в цирке, требуя добить раненого гладиатора. Скандируют: «БКП – КПСС!» Выходит очень стройно, в одно дыхание. Видно, людям из толпы не раз приходилось скандировать навязчивый лозунг недавнего времени – и отнюдь не издевательски.

Протиснулся дальше. Увидел в людском кольце невзрачного человека средних лет, в костюме с галстуком. Он затравленно озирается, но всё же натянуто улыбается и демонстрирует V-образный знак победы. Толпа ревёт: «Коммунист!» Дверь в здании ЦК приоткрывается, словно там кто-то ждёт пленённого или просто наблюдает за происходящим. Подтягивается милиция, но не вмешивается. Отовсюду слышится: «Кто это? Что случилось?» Крупный седой

мужчина громко поясняет: «Это провокатор. Что-то записывал в блокнот, затевал споры». На всякий случай проверяю, не торчит ли из сумки мой блокнот. Пленённый мало-помалу выбирается из толпы и с достоинством шагает к приоткрытым дверям ЦК. Толпа свистит и улюлюкает вслед.

Люди в упоении от свободы. Но не верят, что это навсегда, поэтому нервничают. Держатся плотно и постоянно заводят, подбадривают друг друга.

Магазины полупусты. В отличие от нас, софийне не привыкли к такому положению, ворчат: «Ужас! Куда мы идём?» Действительно, по своим прежним поездкам помню развалы всевозможных мясных изделий, сыров, брынзы, сладостей, батареи вин и ракии. Теперь в универсаме «Зорница» в центре города – копчёный сыр, уксус, две марки вина, маргарин, майонез и какие-то брикеты неаппетитного вида. И очереди, когда что-нибудь «выбрасывают»!

Меня предупредили, что в магазине лучше не говорить по-русски: могут обругать, а то и вытолкать вон. Опасаются, что русские их объедят или просто нашли виноватых?

11 июля. Знакомый историк Йордан Баев, с которым я встречался в прежние приезды в Болгарию, рассказывает об ожесточённой общественной дискуссии вокруг фигуры Георгия Димитрова. Требуют сломать мавзолей, уничтожить как символ тоталитаризма. Публикации о Димитрове в оппозиционных газетах далеки от исторической правды. Подоплёка этой кампании такова: представить период, когда партия Димитрова была у власти, как путь национального предательства и тем самым скомпрометировать Болгарскую социалистическую партию – её нынешнюю политическую наследницу. Но Димитров в любом случае останется в истории как символ антифашистской борьбы, он самый известный в мире болгарин. Надо объективно оценивать прошлое, преодолев идеологические и политические пристрастия.

Я соглашаюсь, но не очень-то верю, что в сегодняшней лихорадке это возможно.

13 июля. В газете БСП «Дума» (по-русски «Слово»; это бывшее «Работническо дело») опубликовано сообщение: правительство приняло решение о выносе тела Георгия Димитрова из мавзолея и захоронении на Центральном кладбище, возле могилы родителей. Решение от 20 июня. Люди не понимают, почему его не опубликовали сразу. Ходят слухи, что на самом деле решение принято вчера, под давлением улицы. О том, когда произойдёт захоронение, не сообщается.

23 июля. «Дума» поместила на первой странице обращение Высшего совета и парламентской группы БСП. В нём говорится: «Сегодня происходит подлинное возвращение к родной земле революционера и борца, чьей величайшей любовью и вдохновением была Родина. Возвращается навсегда к своей матери горемыка, изгнанник, эмигрант. Покинув мавзолей в центре столицы, он ещё глубже и надёжнее войдёт в людскую память».

Оказалось, что гроб с телом Димитрова был вынесен из мавзолея 18 июля в обстановке строжайшей секретности, что вполне объяснимо. В тот же день состоялась кремация. По просьбе родственников при этом акте присутствовали только самые близкие люди.

В напечатанном «Думой» документе прозвучала краткая характеристика Г.Д., с которой трудно не согласиться: «Подобно всякому живому человеку, Димитров был не безгрешен. История ещё поспорит с ним, потому что время, в которое ему выпало жить, было столь сложным, противоречивым и драматичным, что величие его духа и человеческие добродетели не смогли уберечь его от ошибок и заблуждений. Но и Димитров поспорит с историей. До сегодняшнего дня мужественная фигура болгарина в оковах, восставшего против надвигавшейся на Европу мрачной мощи фашизма, жива в памяти людей Земли, для которых Димитров стал вторым именем Болгарии».

1991. 10 февраля. Снова в Софии. Площадь Девятого сентября, где прошлым летом гудел Город истины, завалена горами грязного, тяжёлого снега. (Наверное, название площади сейчас другое, не напоминающее о 9 сентября 1944 года – дне победы Отечественного фронта.) Вдоль бывшего Партийного дома, доставшегося по наследству Болгарской социалистической партии, но впоследствии национализированного, спешат озабоченные повседневными заботами горожане. Никто не обращает внимания на гигантские языки копоти над окнами – следы недавнего пожара. Ассоциация с поджогом германского рейхстага в 1933 году очевидна. Тогда состоялся громкий процесс, принёсший Димитрову мировую известность. В данном случае никто не знает, отчего возник пожар, был ли его причиной злой умысел или чья-то неосторожность.

Я подошёл к мавзолею, где раньше ритуально вышагивали и замирали у массивных дверей часовые в расшитых красных мундирах. Часовых теперь нет, а у низкого ограждения стоят и сидят пикетчики с плакатами, призывающими к сносу мавзолея. Другие оживлённо и с изрядной долей цинизма обсуждают, что можно было бы устроить в бывшем мавзолее – казино, например, или ресторан «Фараон». Белые стены здания исписаны разноцветными струями краски, заклеены листовками, кругом пивные бутылки, сигаретные упаковки, рваные пластиковые пакеты, газетные листы и прочая дребедень.

Появился пожилой полупьяный цыган с тощим медведем на цепи. Цыган куражится, пиликает на скрипке, медведь неуклюже подпрыгивает, зеваки смеются и одаривают артистов.

Вечером на площадь стали сносить портреты и книги Димитрова, а заодно Маркса, Ленина, Брежнева, значки, вымпелы и другие приметы социалистического прошлого. Сваливают в кучу, бросают туда же мусор и жгут. Я подобрал синий томик биографического очерка о Димитрове, стряхнул с него снег, раскрыл. Через титульный лист бежала жирная надпись: «Сатрап и мародёр». Положил книгу в сумку – на память об этих днях.

Костёр чадил, тусклые пятна огня плясали на стенах бывшей димитровской усыпальницы. В ранних сумерках контуры зданий теряли чёткость, проступало прошлое: длинная очередь людей, пришедших в только что возведённый мавзолей, чтобы отдать последний поклон *вождю и учителю болгарского народа...*

То было в 1949 году – по историческим меркам совсем недавно.

11 февраля. Съездил на Центральное кладбище в Орландовцах, где захоронен прах Димитрова. Могила выглядит подчёркнуто скромно: простое обрамление по периметру, скамейка и вертикально поставленный камень, отшлифованный с одной стороны. Из-под слоя снега виднеются еловые лапы, застывшие цветы, чёрные ленты.

На камне выбита надпись:

ГЕОРГИ ДИМИТРОВ
1882–1949

Нет ни портрета, ни какого-либо высказывания, ни позолоты, ни даже орнаментальной лавровой веточки.

По обелиску, прямо через надпись, проложил тёмный след ручеёк талой воды, из-за чего несколько букв фамилии не читаются. Издали кажется, что какая-то беспощадная сила рассекла камень надвое.

1882–1912. Без страха и сомненья

*Вперёд! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!*

Алексей Плещеев

Георгий Димитров (в середине второго ряда) на съезде профсоюза горнорабочих. 1909

Остался ли в его памяти тот день, когда из весеннего марева впервые явились ему минареты, купола церквей и черепичные крыши столичного града?..

У городской заставы повозку остановили два стражника с дубинками и учинили проверку, но не нашли ничего, что по закону следовало облагать пошлиной в пользу городской управы. Путники оказались обычной семьёй из Радомира. Семья направлялись в Софию, чтобы устроиться здесь на постоянное жительство. Старший стражник махнул рукой, и переселенцы въехали в город.

Разбросанные как попало глинобитные домишки, сараи и сеновалы, скот, пасущийся на пустырях, бедно одетые люди – разве могла городская окраина предложить мальчику что-то интересное? Только в центре он увидел дома в два этажа, мимо которых степенно шествовали нарядно одетые люди и катились фаэтоны на больших колёсах.

У собора на широкой площади была вторая остановка. Женщина выбралась из повозки и направилась к церковным вратам. «Боже милостивый, не дай нас в обиду в чужом месте!», – горячо прошептала она и перекрестилась.

Примерно так может быть описано появление в Софии семьи Димитра Михайлова Тренчова, его жены Парашкевы и их детей Георгия и Магдалины. Георгию было тогда четыре года. В этом городе, не так давно ставшем болгарской столицей, он проживёт следующие тридцать семь лет.

Ополченская, 66

Год его рождения 1882-й. Наш герой появился на свет спустя четыре года после окончания последней (восьмой по счёту!) русско-турецкой войны, ставшей поворотным событием в истории его родины.

Прелюдией той войны послужило неудачное восстание болгар против османского гнёта в апреле 1876 года. Каратели зверски уничтожили тогда около 30 тысяч мирных жителей, чтобы отбить охоту у болгар выступать против султанской власти. В европейской прессе печатались жуткие рассказы очевидцев о бесчинствах регулярной армии и банд башибузуков, о сплошь вырезанных болгарских сёлах. В России трагические события на Балканах вызвали волну негодования. Движение в поддержку справедливого дела освобождения болгар охватило буквально все слои общества – деятелей культуры и учёных, офицерство и простой люд. Выражая общественное настроение, И.С. Тургенев писал: «Болгарские безобразия оскорбили во мне гуманные чувства: они только и живут во мне – и коли этому нельзя помочь иначе как войною, – ну, тогда война!»

Благородная идея освобождения единоверцев-славян от османского владычества привела в войска немало добровольцев. Вместе с русскими воинами сражалось за свободу болгарское ополчение, сформированное в Кишинёве. Помощь войскам оказывали болгары, оказавшиеся в зоне боевых действий. И хотя политические цели Российской империи не сводились только к освобождению Болгарии (тёплому Средиземному морю надлежало стать доступным для русского флота), ту войну по праву называли Освободительной. Дед Иван пришёл из-за Дуная на выручку славянским братьям, утратившим свою государственность – шутка ли! – пятьсот лет назад.

Сокрушительное поражение Османской империи в войне 1877–1878 годов стало предвестником её близкого распада. Русская армия уже стояла у стен Стамбула – Константинополя – Царьграда, когда Турция запросила переговоры. Предварительное мирное соглашение, заключённое в местечке Сан-Стефано, отвечало болгарским чаяниям. Оно предусматривало создание Болгарского княжества в границах, указанных в фермане о Болгарской экзархии, изданном турецким султаном в 1870 году. Княжеству предполагалось передать земли с преимущественно славянским населением от Дуная до Эгейского моря и от Чёрного моря до Охридского озера. Турецкие войска должны были уйти, а русские остаться на два года. Санкционировалась полная независимость государств, выступивших союзниками России в той войне, – Черногории, Сербии и Румынии.

Но у военной победы, как известно, всегда обнаруживается много родственников, а перекройка границ часто оборачивается национальной трагедией для небольших народов, поскольку их интересы легко приносятся в жертву амбициям сильных государств. Так случилось и на Берлинском конгрессе, который был проведён летом 1878 года по настоянию западных держав, чтобы утвердить, а фактически пересмотреть Сан-Стефанский мирный договор. Шелест дипломатических бумаг оказался громче грохота русских пушек, а давление на Россию со стороны Англии и Австро-Венгрии, подкреплённое вводом британского флота в Мраморное море, – сильнее героизма русских воинов. (Поражение России в Крымской войне ещё было свежо в памяти...)

Перспектива появления на Балканах большого и дружественного России государства, имеющего выход к Эгейскому морю, отнюдь не радовала европейские державы, и Болгария не была воссоздана в этнических границах, намеченных в Сан-Стефано. Согласно решениям конгресса, Болгарское княжество стало вассалом Турции, получив лишь территорию между Дунаем и хребтами Стара-Планины, а также Софийский округ. Между Стара-Планиной и

Родопскими горами образовалась автономная область Восточная Румелия в составе Османской империи, а Македония и Фракия остались турецкими провинциями.

Незадолго до переезда в Софию семейства Димитра Михайлова случились события огромного значения. Патриотическое движение в Восточной Румелии за воссоединение с княжеством завершилось успешным восстанием в сентябре 1885 года. Резиденция османского наместника в Пловдиве была взята отрядом повстанцев, и Южная Болгария освободилась из-под власти султана. По выражению писателя Ивана Вазова, произошла «одна из самых лёгких революций в истории, потому что она давно свершилась в душах».

Через два дня болгарский князь Александр I¹ издал манифест к болгарскому народу, в котором официально признал воссоединение страны и призвал народ к защите правого дела. Этот акт вызвал раздражение российского императора Александра III, перед которым замаячила угроза новой войны с Турцией. В российско-болгарских отношениях наступило охлаждение.

А через два месяца сербский король Милан, опасавшийся усиления соседнего государства, объявил Болгарии войну и двинул войска на Софию и Видин. Молодая болгарская армия, сформированная и обученная с российской помощью, сумела дать отпор агрессору.

За всеми этими событиями пристально следили в столицах Австро-Венгрии, Англии, Франции, Германии и России. И не только следили: дипломатия великих держав энергично участвовала в становлении молодых государств и вмешивалась в их отношения друг с другом, не забывая при этом о собственных интересах. Началась Большая игра на Балканах.

Димитр Михайлов Тренчов, 1851 года рождения, жил в городе Мехомия (ныне Разлог) в Пиринских горах – той исторической области, что и сегодня именуется Пиринской Македонией. Согласно семейному преданию, он был причастен к антиосманскому восстанию 1878 года. Спасаясь от беспощадных сабель карателей, Димитр бежал на север, в пределы княжества. Обосновался в маленьком селении Ковачевцы, занимался извозом, а потом перебрался в Радомир.

Мать Георгия, крестьянская девушка Парашкева Досева Георгиева, 1862 года рождения, происходила из семьи таких же горемык-беженцев, как и Димитр. Согласно её воспоминаниям, они познакомились и обвенчались в Радомире, там же родился у них 18 июня 1882 года первенец Георгий, Гошо. Архив радомирской церкви Св. Великомученика Димитрия подтверждает этот рассказ, хотя в записи о крещении младенца днём его рождения указано 22 июня¹.

Существует и другая версия, согласно которой Георгий Димитров родился 18 июня в селе Ковачевцы Радомирской околии, а крещён в Радомире, поскольку в Ковачевцах не было церкви. Эта версия стала канонической².

В 1950-е годы в Ковачевцах был создан мемориальный комплекс. Тщательно отреставрировали тёмную мазанку, где, возможно, качался в колыбельке будущий болгарский вождь, возвели помпезное двухэтажное здание музея, где, впрочем, не демонстрировалось ни одного подлинного предмета, принадлежавшего семье Димитровых.

Сам Георгий Димитров указывал в качестве дня своего рождения 18 июня 1882 года², и эта дата стала официальной. «День рождения! В сущности 13 дней позднее из-за перемены календаря», – записывает он в дневнике 18 июня 1934 года, из чего видно, что он не придавал значения этой неточности. Не имеет она значения и для дальнейшего жизнеописания нашего героя.

¹ Александр I (1857–1893), происходивший из германского дома Баттенбергов, доводился племянником Марии Александровне, супруге российского императора Александра II. В 1879 г. Великое народное собрание Болгарии по рекомендации Александра II избрало Александра Баттенберга князем Болгарии. Его княжение продолжалось до 1886 г., когда по настоянию императора Александра III он отрёкся от престола. (*Здесь и далее – примеч. авт.*)

² По старому стилю. События, происходившие в Болгарии до 31 марта 1916 г., приводятся в этой работе по юлианскому календарю, после этой даты – по григорианскому календарю (новому стилю).

Важнее обратить внимание на место рождения Димитрова, поскольку время от времени появляются публикации, в которых говорится о его македонском происхождении. Димитров действительно говорил: «происхожу из македонского семейства», «отец мой – македонец» и т. п. Однако при этом он всегда называл себя болгаринном и на суде в Лейпциге во всеуслышание заявил, что гордится своей принадлежностью к болгарскому народу. Понятие «македонец» Димитров употреблял не в этническом, а в географическом его значении.

С помощью живших в Софии родственников (сестры Парашкевы и её мужа) переселенцы устроились в хатке на Солунской улице. Неподалёку возвышалась евангелическая церковь – высокое здание строгих форм с башней. Английские и американские миссионеры в XIX веке вели в болгарских землях Османской империи активную проповедь протестантских вероучений, издавали духовную литературу на болгарском языке, открывали школы и учреждали общины новообращённых. В Софии первая евангелическая община возникла в 1864 году стараниями американского миссионера Чарльза Морза, представлявшего конгрегационалистов; она существует до сих пор.

Очевидно, в столь впечатляющих успехах западных проповедников сыграл существенную роль тот факт, что национальная православная церковь была в то время раздроблена и слаба. По султанскому повелению христианские храмы не могли строиться выше мечетей (поэтому иногда церкви заглублялись в землю), а по установленному православным Константинопольским патриархатом порядку богослужение велось на греческом языке.

Достоверных сведений о том, почему Димитр и Парашкева отказались от веры отцов и причислили себя к протестантам, нет. Было бы упрощением сослаться на соседство их жилища с евангелическим храмом как на основную причину. Сомнительно также, что они, люди едва грамотные, разбирались в тонкостях религиозной догматики. Скорее всего, причина их «обращения» заключалась в том, что те самые благодетели-родственники, уже состоявшие в евангелической общине, уговорили переселенцев последовать их примеру. Строгость нравов и просветительская деятельность *конгрешиан*, вероятно, пришлись по вкусу Димитру, который любил порядок и уважал людей образованных.

В Софии глава семьи освоил ремесло шапочника. Ремесло оказалось прибыльным и надёжным – ведь ни один болгарин не обходился без шапки ни зимой, ни летом, ни в будни, ни в праздники. Поначалу мастер Димитр работал на дому. Примостившись возле отца на полу, Гошо часами наблюдал, как тот выкраивает большими ножницами из куска мягкой овечьей шкуры заготовку, вырезает из ткани подкладку и ловко орудует иглой. Запах овчины вошёл в его память как запах детства.

В Софии осталась с турецкого времени *партия* — торговые ряды с многочисленными лавочками, – наименованная новыми властями пассажем Св. Николая. Димитр Михайлов через некоторое время обзавёлся там собственным *дюкьяном* – помещением, служившим одновременно мастерской и лавкой, какие можно и сегодня увидеть на восточных базарах. Порой соседи допытывались у мастера, много ли ему удаётся заработать своим ремеслом. Димитр обычно отделялся кратким ответом: «Иголкой колодца не выроешь». Однако ухитрялся прокормить иголкой растущее семейство – а в нём вскоре после переезда в Софию появился третий ребёнок, Никола.

Город в те годы состоял из скученных кварталов, сохранивших турецкие названия, – Топхане, Коручешме, Банябаши, Мюселим... Были ещё Армянский квартал, Еврейский и просто Большой, в самом центре. Управа хотела видеть Софию преобразованной на европейский манер – с широкими бульварами, площадями, мощёнными камнем улицами. Власти предоставляли гражданам подряды на благоустройство дорог, обслуживание уличных фонарей, прокладку водопровода с горы Витоша, сооружение каменных зданий.

Один из бедняцких кварталов Софии носил название Ючбунар, что означает «Три родника». Он был расположен на северо-западной окраине города, у Владайской речки, где барыш-

ники промышленяли скупкой и продажей скота. В Ючбунаре столичная управа расселяла беженцев и переселенцев.

В этом квартале Димитру Михайлову и его свояку был предоставлен участок земли площадью 0,45 декара (иначе говоря, четыре с половиной сотки). Получив участок, они приступили к строительству дома на два входа. Стены сложили из кирпича-сырца, который тут же и делали, под открытым небом. В городских учётных книгах дом записали под номером 68 по улице Ополченской³. Название улицы напоминало о болгарском ополчении, сражавшемся вместе с русскими воинами за народную свободу.

Нравы в доме царили патриархальные, как от века было заведено: строгий отец, покорная мать, послушные дети. Праздности и лени не знали, на судьбу не жаловались. Отец с утра до ночи корпел над шапками, хлопотливая мать целыми днями неслышно скользила по дому и по двору, повсюду находя работу. Дети помогали старшим. Отец научил Гошо подравнивать шерсть на готовых шапках. Мальчик брал ножницы и принимался орудовать ими как заправский парикмахер, очень старался. Как ни подметали пол после таких занятий, клочки шерсти всё равно разносились по дому. Дети усвоили правило: если выловишь шерстинки из миски, не показывай вида, молчи, иначе схлопочешь отцовской ложкой по лбу. «С этого кормишься, неблагодарный!» – обязательно скажет он.

Самым радостным праздником был Новый год – по-старому Сурваки. Слышится в этом названии отзвук представления о грядущем обновлении природы, о близости ещё неясного, свежего, «сырого» времени. Отсюда гадания, приметы, благопожелания. В слоёный пирог с брынзой, баницу, запекали кизилковую веточку: кому она достанется, тому непременно улыбнётся счастье в наступающем году. Гадали о здоровье, бросая в огонь самшитовые листочки. Заговаривали фруктовые деревья и виноградную лозу, чтобы они принесли обильный урожай.

В первое утро нового года дети поднимались с постелей рано, чтобы поздравить родителей и соседей. Взяв приготовленные с вечера *сурвачки* – кизилковые ветки, согнутые кольцами и украшенные разноцветными ленточками и бумажками, дети подходили к родителям, легонько ударяли ими каждого и приговаривали: «Сурва годйна! Сурва година!» И получали какие-нибудь подарочки. Потом дети поздравляли соседей, и те тоже одаривали их сладостями и мелкими монетами, как того требовал обычай.

Гошо рос сообразительным и подвижным мальчиком. Истинный сын окраины, он не отставал от сверстников в шумных, а порой опасных забавах, что устраивались на пустыре. Играли в чижа, бабки, «перескочи кобылу», устраивали «бой с турками», передразнивали ходившего по улицам глашатая городской управы, который объявлял новости и распоряжения властей.

Жизнь города с присущими ей драмами и противоречиями рано вошла в мир его детства. Столько в ней было намешано разного – уходящего, старозаветного и самого что ни на есть европейски-нового, необычного! Важный турок, раскинувший скатёрку с зубодёрным инструментом возле пивной на улице Шар-Иланина, и четыре бронзовых льва, охраняющие въезд на новый мост, огороженный изящными решетками, – будто два полюса взбудораженной болгарской столицы.

В базарные дни мальчик ходил с матерью за покупками. Пока мать торговалась у прилавков, он вглядывался и вслушивался в жужжащее торжище. В толпе сновали разносчики сладкой бузы и шербета с кувшинами в руках; шашлычники постукивали шампурами по начи-

³ В 1951 г. в этом доме, к тому времени имевшем номер 66, был открыт Дом-музей Георгия Димитрова. Исключительная заслуга в сохранении реликвий домашнего быта семьи и библиотеки Георгия Димитрова принадлежит его сестре Магдалине Димитровой-Барымовой. В 1973 г. на базе Дома-музея и обширного трёхэтажного здания, построенного на примыкающей к нему территории, был создан Национальный музей Георгия Димитрова при ЦК Болгарской компартии. Музей вёл большую научно-исследовательскую и собирательскую работу. В 1992 г. по решению правительства Болгарии музей был закрыт.

щенным латунным противням; хлебопёки ловко выхватывали лепёшки из горячего зева печей; скупщики шерсти торговались с крестьянами в белых штанах, расшитых пёстрым шнуром; босоногие цыганки с запеленатыми в тряпки младенцами бродили меж возов, попыхивая глиняными трубками; игроки в кости подмигивали мужчинам, предлагая попытать счастья; нищие гнусавыми голосами просили подаяния; дети беженцев, облепленные мухами, спали под телегами... А над всем этим коловращением господствовало визгливое трио – кларнетист, скрипач и барабанщик. Музыканты время от времени останавливались, выкрикивали: «Россия! Шипка! Осман-паша!» – и снова брались за свои инструменты.

Многое из того, что наблюдал мальчик, вызывало у него жалость, многого он просто не понимал. Откуда берутся нищие и беженцы? Зачем напиваются мужчины в корчме «Старый конь»? Почему сосед колотит жену и детей? Он задавал вопросы родителям, но те уклончиво отвечали, что человеку указано Богом много трудиться, жить по заповедям и не поддаваться дьявольским искушениям. А что в жизни много несправедливости и жестокости – так на то воля Бога, неподвластная человеческому разумению.

Георгий учился в начальной школе имени св. Климента Охридского, что находилась в нескольких кварталах от дома. Родители определили сына ещё и в воскресную школу при евангелической церкви. Каждое воскресенье семья слушала проповедь, а потом отец отводил Гошо (позднее к нему присоединилась и сестра Магдалина) в класс, где занималась младшая группа. Несколько воскресений мальчик терпеливо слушал, как наставник толкует религиозные заповеди, но потом ему стало скучно. Он наловчился незаметно, как ему казалось, перебираться в старшую группу, где было интереснее. Однако пастор заметил его проделки и однажды, ухватив за ухо, вывел из класса. Лина устремилась вслед за братом, чтобы успокоить его. Но тот вовсе не нуждался в утешении. Он весь кипел от негодования и твердил сквозь слёзы, что больше сюда ходить не станет.

Родители не настаивали на покаянии мальчика. Безболезненно поменявшие православие на протестантство, они не препятствовали постепенному отходу сына от религии. Проявленная ими терпимость к поступку сына не осталась без ответа: Георгий всегда уважал чувства матери, до конца жизни оставшейся глубоко верующим человеком.

А христианские праведники вскоре были вытеснены из круга его интересов. Их место заняли колоритные фигуры национальных героев. Христо Ботев, Стефан Караджа, Басил Левский, Георгий Раковский, Любен Каравелов... Мужественные воеводы, будители народа и поэты, они в то время ещё не стали хрестоматийными образами и памятниками, ещё живы были их соратники, участники недавних битв, которые рассказывали о своих великих современниках как о близких людях.

По воспоминаниям Магдалины, однажды после традиционного обхода соседей с новогодними поздравлениями Гошо купил на собранные монетки не сласти, а книжку о Василе Левеком. Тут же прочитал её и объявил матери, что будет вечером читать книгу вслух всей семье. И в первый же вечер, когда семья смогла собраться у очага, начал своё первое в жизни публичное выступление.

Он читал, как Дьякон⁴ ездил по городам и сёлам порабощенной родины и создавал комитеты, которые должны были стать опорными пунктами будущего восстания. Отчаянно смелый и ловкий человек, он не раз обманывал турецких соглядатаев, но не уберётся от подлости соотечественника-единоверца. На суде Дьякон держался так, как и подобает настоящему герою, народному защитнику. Бесстрашно взошёл на эшафот, сооружённый в центре Софии, и вот палач накинул ему на шею петлю...

⁴ В юности Васил Левский был посвящён в сан диакона, но впоследствии отказался от церковного служения, полностью посвятив себя революционной деятельности.

В этом месте голос мальчика задрожал. Казалось, он готов был расплакаться, но вдруг отложил книгу и произнёс: «И я смог бы, как он... Пусть бы повесили!» Мать вздрогнула: «Не говори так, сынок», но мальчик упрямо повторял: «Смог бы, смог! Пусть повесят!...»

Наверное, было бы преждевременно делать из этого эпизода далеко идущие выводы, но запомним, как глубоко тронула детскую душу готовность Левского без колебаний пожертвовать собой во имя торжества дела, которому он служил.

На испытаниях по окончании четвёртого отделения школы Гошо получил отличные, очень хорошие и хорошие оценки (по принятой в Болгарии шестибальной системе). Нарядное свидетельство отец прочитал вслух от первой и до последней строчки: «Закон Божий – „отлично“⁴, – медленно произносил он, поглядывая на сына. – Гражданское чтение и пересказ – „хорошо“. Отечественная история – „очень хорошо“. Естествознание – „хорошо“. Счёт – „хорошо“. Письмо – „хорошо“... София, 29 июня 1892 года. Молодец! Теперь пойдёшь в гимназию. А следом за тобой Лина, Николчо, Любчо и Коце. Пока хватит сил, буду работать, чтобы выучить всех, чтобы стали вы врачами, учителями. А может, адвокатами».

Обратим внимание на две детали. Во-первых, указанная в свидетельстве фамилия мальчика образована от имени, а не от фамилии отца – «Георгий Димитров». И это отнюдь не случайная описка – все сёстры и братья Георгия писались Димитровыми⁵. Во-вторых, по какому-то неизвестным для нас соображениям школьного начальства в графе «Вероисповедание» значится «Истинно православный»³.

В гимназии Георгию пришлось проучиться всего год. Согласно официальной биографической хронике, его настигла болезнь детей городских окраин – золотуха. Фельдшер посоветовал подержать мальчика дома, пока тот не вылечится и не наберётся сил. К лету 1894 года мальчик выздоровел, но учёбу пришлось оставить. Тяжко разболелся отец, а ведь Георгий – старший из детей, ему и помогать семье, так уж от века заведено.

Существует и другая версия: причиной исключения стало своенравие и непослушание мальчика в гимназии. Но с этой версией спорит всё то же свидетельство об окончании начальной школы. В нём указано, что Георгий Димитров показал примерное поведение и прилежание. С чего бы ему столь резко измениться в гимназии?

Так или иначе, но Георгию пришлось искать работу. Кузница ему не понравилась, столярная мастерская ненадолго остановила внимание. Зато типография очаровала сразу. Затаив дыхание, он наблюдал, как наборщик составляет из металлических брусочков-литер связный текст. Это было настоящим чудом. «Набираешь и всё время читаешь, – восторженно рассказывал он матери. – Как будто учишься».

⁴ Исследуя электронный каталог Национальной библиотеки им. сввв. Кирилла и Мефодия, автор настоящей работы с удивлением обнаружил, что вслед за фамилией «Димитров» поставлена в скобочках «правильная», по отцу, фамилия «Михайлов», которую он никогда не носил.

⁵ Исследуя электронный каталог Национальной библиотеки им. сввв. Кирилла и Мефодия, автор настоящей работы с удивлением обнаружил, что вслед за фамилией «Димитров» поставлена в скобочках «правильная», по отцу, фамилия «Михайлов», которую он никогда не носил.

На пороге неведомого века

Голос мастера отрывает Гошо от изучения наборной кассы. Мастер приказывает вынести мусор. Мальчик набивает корзину обрезками бумаги и выходит на крыльцо. После тяжёлого воздуха типографии, насыщенного парами краски и керосина, морозная свежесть бодрит. Блеск пухлых шапок снега на крышах слепит глаза. Не припомнить, когда была такая снежная зима. Вдали вздымается гребень Витоши. Скорей бы весна. Весной, когда расцветают подснежники и крокусы, хорошо на Витоше.

Вернувшись в типографию, мальчик получает задание промыть набор. Берёт щётку, банку с керосином и начинает очищать подготовленные к печати свинцовые полосы от потёков краски. Протирает крупный, составленный из дубовых литер заголовок «Народни права», проводит жёсткой щетиной по ровным колонкам набора, отчего литеры начинают серебристо поблёскивать. Гошо уже умеет прочитывать заголовки справа налево, как заправский наборщик. Вот политическая статья с выделенными жирным шрифтом важными словами, вот раздел «Из внутренней жизни», вот объявления и извещения в нарядных виньетках. Всё в газете имеет смысл, каждый материал размещён сообразно значению. Но больше всего ему нравится та строчка, что стоит в самом низу четвёртой страницы, словно подводя итог номера: *Печатница «Либерален Клуб»*. Эта строчка означает, что газета – плод общих усилий всех работников типографии, в том числе и ученика наборщика Гошо Димитрова.

В «Либерален клуб» он устроился не сразу, поработав какое-то время в мелких печатнях, где учеников использовали главным образом как прислугу. А «Либерален клуб» был крупным, технически оснащённым предприятием. Здесь выходили книги, журналы и несколько газет, в том числе газета Либеральной партии «Народни права».

Молодое болгарское государство всячески поощряло развитие издательского дела. Потребность в печатной продукции росла в княжестве год от года. Ревнители просвещения учреждали школы и гимназии, для которых требовались учебники, издавали художественные произведения, в том числе и переводные – главным образом, с русского и немецкого языков. Партии разных направлений печатали политическую литературу, журналы и газеты.

«Либерален клуб» принадлежал акционерному обществу, главным распорядителем которого был доктор Басил Радославов, лидер Либеральной партии. Завидев хозяина, громогласного великана с пышной бородой, рабочие почтительно здоровались с ним. Все они были у него в руках. Работали без твёрдо оговоренных условий найма, по десять часов в день и без выходных, заработок выплачивался от случая к случаю, но никто не роптал. Такие были в те времена «народные права». Как вдруг в январе 1895 года случилось невиданное: «Либерален клуб» забастовал. «9 числа рабочие-наборщики типографии «Либерален клуб» в Софии, числом около 30 человек, бросили работу, потому что им не платят уже 6 месяцев, – писала газета «Социалист». – Они уже поняли, что если хотят добиться справедливости у своих хозяев, то нужна сила, а не прошения».

Остановились и другие типографии Софии. Двести типографских рабочих требовали, чтобы хозяева приняли уставы и тарифы, регламентирующие условия труда и оплаты. Их поддержали 70 печатников Русе.

Через две недели хозяева пошли на уступку. Сохранилась расписка тринадцатилетнего Георгия: «Я, нижеподписавшийся, получил в типографии «Либерален клуб» 25 левов (двадцать пять левов) по старой ведомости. София, 17. II. 95 г. Г. Димитров»⁴. За словами расписки, самого первого из сохранившихся документов его руки, читается торжество победителя. Он ступил на путь борьбы, сделал первый шаг, и этот шаг показал, что не всё в этом мире так нерушимо, как иногда представляется.

В шестнадцать лет Георгий получил разряд подмастерья, и ему стали доверять набор больших и ответственных статей. В типографии ценили способность молодого работника вникать в смысл текста, благодаря чему он допускал мало ошибок. Он мог распутывать даже крайне неразборчивый почерк доктора Радославова. А однажды ему довелось набирать стихи самого Ивана Вазова – поэта, драматурга и автора первого болгарского романа «Под игом». Строки стихов лились свободно, как бы сами собой. Каково же было удивление Георгия, когда он обнаружил в авторской корректуре беспощадную правку! Щегольски одетый седовласый мэтр назидательно сказал в ответ на его удивлённый вопрос: «Хорошие дела, Гошо, скоро не делаются. Пишешь и перечитываешь, размышляешь и переписываешь – только так и можно создать что-нибудь стоящее».

Из номера в номер орган Либеральной партии писал о концессиях, займах, откупках, банковских процентах, страховых взносах и беспощадно обличал правительство. «Печальную картину представляет собой наш разлагающийся государственный организм, – сетовала газета. – Вместо того чтобы выполнять своё предназначение по охране имущества и жизни болгарских граждан, вместо того чтобы преследовать и наказывать преступников, правительство само преступает закон».

В то время в Болгарии находилось у власти правительство, сформированное Народной партией, а либералы были в оппозиции. Смысл незнакомого слова «оппозиция» растолковал Георгию благоволивший к нему наборщик Стоян Кечеджиев. Стоян обычно не участвовал в общих пересудах типографщиков, когда они после обеда выходили во двор покурить и расслабиться. Но однажды, когда зашёл спор о том, кто лучше – Народная или Либеральная партия, Стоилов или Радославов, – он веско заявил: «Социалисты считают, что те и другие – порядочные плуты, одного поля ягода. Одним словом, слуги капитала!»

Георгий представлял себе социалистов довольно туманно. Но в них была какая-то интригующая тайна. Газеты называли их загадочным словом «нигилисты», писали, что они поднимают воротники пальто, когда выходят на улицу, и носят широкополые шляпы, низко надвинутые на глаза. Георгий решил при случае узнать о них поподробнее.

Кечеджиев не только ответил на вопросы юноши, но и познакомил его со своим приятелем по имени Коста Мутафчиев. Новый знакомый дал Георгию несколько экземпляров газеты «Работнически вестник» и книжку, на обложке которой было оттиснуто: «Д. Братанов. Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?»

Георгий принялся прорабатывать новинки. «Работнически вестник» оказался совсем не похожим на те газеты, что выпускались типографией Радославова. Небольшие размеры, не отличающийся разнообразием шрифт, отсутствие броских украшений и объявлений – всё это говорило понимающему человеку о скромных финансовых возможностях газеты. Но в руках Георгия впервые оказалось издание, заполненное статьями и заметками о рабочей жизни, издание, где слова «социалисты» и «социалистический идеал» употреблялись без иронического или пренебрежительного подтекста. В редакционной статье говорилось, что скромная, но совершенно определённая задача газеты состоит в духовном пробуждении болгарских рабочих и всесторонней защите их интересов и прав.

Одолеть книгу оказалось труднее. Во многих дефинициях и теоретических рассуждениях Георгий так и не сумел разобраться, но главное – материалистическое объяснение исторического процесса – в общих чертах усвоил. Он на сто процентов согласился с выводом автора о том, что окружающий мир устроен неправильно, в нём мало справедливости и много горя, поэтому его следует переделать.

Главы, где рассматривалось экономическое развитие Болгарии, дались легче. Автор приводил немало известных фактов, выстроенных во взаимосвязи и логической последовательности. Братанов доказывал, что мнение об «особом пути» Болгарии и о равномерном распределении национального богатства в обществе совершенно не соответствует фактам. Старые

мастерские хиреют и закрываются, вместо них появляются крупные фабрики с машинным производством; одни ремесленники разоряются, другие богатеют; подмастерья и ученики превращаются в наёмных рабочих, а оборотистые хозяева, набив кубышку, становятся капиталистами.

А ведь верно! Георгию припомнились заколоченные окна швейных мастерских на Пиротской улице, где раньше шили одежду в народном вкусе. Останавливались громоздкие ручные станы надомных ткачей, продукция которых не выдерживала конкуренции с габровскими и сливенскими сукнами и холстами. Вот и отец проявил дальновидность, когда не захотел, чтобы Георгий наследовал его дело. Спрос на барашковые шапки падал, европейская мода вытесняла традиционную.

«Интерес, деньги, богатство составляют у нас сегодня религию, как в Европе», – такой вывод сделал автор брошюры. Стало быть, и в Болгарии жизнь развивается по законам, открытым Карлом Марксом, и здесь растёт пролетариат – будущий могильщик капитализма. И он, наборщик Георгий Димитров, – один из таких пролетариев, которым будет когда-нибудь принадлежать весь мир. Ведь социализм не просто имеет почву в Болгарии – его приход исторически неизбежен! Юноша был ошеломлён⁶.

Название другой книги, оставившей глубокий след в памяти Георгия, тоже содержало многозначительный вопрос. «Что делать?» – было обозначено на обложке сочинения русского автора Николая Чернышевского, переведённого на болгарский язык. Чтобы ещё больше заинтериговать читателей, предприимчивый издатель на титульном листе указал: «Роман, написанный в тюрьме».

Сила воздействия на молодежь идей, содержащихся в романе «Что делать?», трудно представима в наши дни. Сохранилось множество свидетельств поистине очищающего потрясения (по терминологии древних эллинов – катарсиса), испытанного жажущими откровения душами после прочтения книги Чернышевского. Одно из них принадлежит Георгию Димитрову. «Роман „Что делать?“ ещё 35 лет тому назад оказал на меня лично, как молодого рабочего, делавшего тогда первые шаги в революционном движении в Болгарии, необычайно глубокое, неотразимое влияние, – пишет он в предисловии к роману в 1935 году. – И должен сказать: ни раньше, ни позже не было ни одного литературного произведения, которое бы так сильно повлияло на моё революционное воспитание, как роман Чернышевского». Далее он признаётся: «Даже теперь, снова перечитывая „Что делать?“ , я испытываю большое волнение и наслаждение»⁵. И это не преувеличение. В Мемориальной библиотеке Георгия Димитрова хранится несколько книг Чернышевского и о Чернышевском. Все они, в том числе издания 1930-1940-х годов, имеют пометки, свидетельствующие о том, что интерес Димитрова к русскому мыслителю и мечтателю не остался для него лишь данью юношескому увлечению.

В особенности увлёл юного читателя Рахметов – «безупречный герой Чернышевского». Он действовал не по обычаям житейского благоразумия, как действовало, по наблюдениям Георгия, подавляющее большинство людей, а вопреки этим обычаям, во имя служения высокой идее. Эти *новые люди* делали невидимую работу, приближая грядущий прекрасный мир. Как не похожи были они на тех торгашей и политиканов, которых газета «Народни права» именовала «бескорыстными патриотами»!

Быть может, именно под воздействием романа Чернышевского впервые задумался Георгий о предназначении человека, остро почувствовал, что жизнь, не освещённая идеалом, мечтой, благородной целью, – бессмысленна, недостойна человека. Мало понимать, *что* следует делать, надо непременно *делать* это. Не беда, что так огромен разрыв между великой мечтой и

⁶ Работа Димитра Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?», изданная под псевдонимом «Д. Братанов», сохранилась в Мемориальной библиотеке Георгия Димитрова, насчитывающей более 16 тыс. названий.

серой повседневностью. Надо работать, надо бороться, надо переносить из будущего в настоящее столько, сколько можно перенести...

В 1897 году произошла первая стычка Георгия с представителем класса, который он психологически уже ощущал как чуждый, враждебный. Восемнадцатого апреля он прочитал в «Рабочнически вестнике» статью «Завтра – всемирный праздник труда» и решил принять участие в демонстрации в честь дня солидарности всех людей труда – 1 мая. (Из-за различия календарей болгарские социал-демократы устраивали первомайские демонстрации 19 апреля, в один день с рабочими западноевропейских стран.)

Демонстранты собрались в Ючбунаре и двинулись к центру города. Они несли красные флаги и лозунги «8 часов работы, 8 часов отдыха, 8 часов сна!» Георгий был в колонне и пел вместе со всеми «Рабочий марш». На одной из улиц путь колонне преградили конные полицейские. В завязавшейся потасовке несколько человек было ранено.

На следующий день Георгий получил для набора в очередной номер обширную статью Радославова. Среди последних событий автор упомянул и «антиправительственную демонстрацию», участников которой он назвал бродягами и пьяницами. «С этим сбродом, который вздумал наброситься с камнями на защитников государства, – с волнением читал Георгий, – нужна решительная расправа, если мы не хотим, чтобы социалистическая банда разрослась у нас так же широко, как в других странах».

Юноша оказался в классической ситуации выбора. Перед ним возник такой простой и одновременно такой сложный вопрос: *что делать?* Послушно набрать статью значило согласиться с автором, то есть изменить тем, с кем ещё вчера шёл в одном строю. Протестовать – значит поставить себя под удар. И Георгий решил очистить текст от наиболее одиозных характеристик, которыми автор наделил демонстрантов. Наутро разразился скандал. Но в типографии не было другого наборщика, способного быстро и умело разбирать тяжёлый почерк доктора Радославова, и угроза увольнения прошла мимо. То была ещё одна победа – пусть маленькая, но важная.

В доме на Ополченской встречают Новый год, открывающий новое столетие.

Георгий, одетый в белую рубашку и пиджак с широкими лацканами, выглядит почти как взрослый, разве что губы ещё по-детски пухлые, щёки и подбородок мягко закруглены. Чинно ожидают начала трапезы младшие. Никола по примеру брата уже поступил учеником в типографию, Магдалина, Любомир и Костадин учатся, а ещё двое пока маленькие: Борису шесть лет, Тодору четыре. Пятидесятилетний отец заметно сдал за последнее время: волосы потускнели и поседели, усы обвисли, спина согнулась от длительного сидения в неудобной позе. Не возраст, а изнурительная работа преждевременно состарила его. У матери выражение лица привычно доброе, голубые глаза излучают ласковый свет. Однако прожитые годы оставили бороздки морщин на лице. Руки не по росту крупные, с набрякшими жилами. Всё, что выставлено на стол, приготовлено этими руками: мясные голубцы в виноградных листьях, варёная фасоль, печёный перец, мелко истолчённый и перемешанный с солью и перцем чабрец, в который так и хочется обмакнуть кусок мягкого каравая, сливовый компот, сладкий тыквенный пирог и традиционная баница с кизиловой веточкой на счастье...

Волна тёплого чувства поднимается в груди Георгия. Кто знает, как сложится дальнейшая судьба, но этот дом, знакомый до каждого сучка в половице, вобравший в себя тепло родительского очага, останется с ним всегда.

Он вспоминает Сурваки своего детства. Прошло всего семь-восемь лет с тех пор, как выбегал на рассвете из дверей, радостно провозглашая приход нового года. Жадно всматривался в тусклый свет утра, ожидая увидеть что-нибудь необычное. Однако всё оставалось прежним: торчали в разные стороны чёрные ветви деревьев, длинные плети старой лозы обвивали

шест, ветер гнал по Ополченской сухой снег. И так было во всём городе – медленно и неохотно менял он свой полу-азиатский облик.

А теперь жизнь быстро пошла вперёд, приметы нового на каждом шагу. Заработал сахарный завод, построенный бельгийцами, за ним мыловаренный, спиртовой, табачная фабрика. Перестали быть в диковинку железные дороги, электрическая станция исправно подаёт ток, рельсы первой трамвайной линии пролегли по софийским улицам. Народная библиотека, гимназия и театр символизируют стремление болгар к просвещению и культуре. Фракийская Сердика, римская Ульпия Сердика, древнеболгарский Средец, византийская Триадица – всё это София, на гербе которой красуется девиз «Растёт, но не стареет». Нет, не зря она была избрана столицей княжества! Вот и поручик австрийской армии Фердинанд Саксен-Кобург-Готский, неожиданно для себя ставший князем Болгарии Фердинандом I, старается превратить свой скромный софийский двор в новый Версаль. Сменяют друг друга пышные выезды, балы, военные смотры, приёмы. Но Георгий уже знает, что не в княжеских дворцах и не в особняках нуворишей обитают настоящие хозяева жизни, а здесь, в Ючбунаре, и в других рабочих кварталах болгарских городов.

Всю ночь просидел он в своей комнатухе, читая и размышляя. Когда в окна полился серый рассвет и язычок пламени в лампе стал блёкнуть, вышел на улицу. На Ополченской уже началась весёлая кутерьма. Ребятишки выскакивали из домов, торопясь поздравить соседей с наступлением нового года.

Заря первого дня Двадцатого века восходила над Софией.

Жизнь – огромная и ещё не совсем ясная, влекла к себе с неудержимой силой.

К началу нового века два старших современника Георгия Димитрова, сыгравших важнейшую роль в его судьбе, уже сделали и подтвердили свой жизненный выбор.

Один из них издал несколько научных работ, попробовал силы в политической агитации и создании социал-демократической организации, побывал в тюрьме и в ссылке. В Мюнхене в самый канун нового века тридцатилетний эмигрант из России, живущий под чужим именем, получил драгоценный подарок – первый номер газеты «Искра», в создании которой он принял живейшее участие. Пройдёт три месяца, и он начнёт подписывать свои работы псевдонимом «Ленин».

А в российском городе Тифлисе, в тиши физической обсерватории, делил часы между записями метеорологических наблюдений, сочинением стихов, чтением марксистской литературы и писанием политических статей в газету «Брдзола» скромный молодой человек двадцати одного года. Через три месяца он, опасаясь ареста за организацию митингов и за крамольные речи, перейдёт на нелегальное положение. До того времени, когда он выберет себе постоянный псевдоним «Сталин», остаётся ещё двенадцать лет.

Социалистическое взросление

История болгарской социал-демократии как политической организации началась летом 1891 года, когда на склоне горы Бузлуджа собрались представители социалистических групп, чтобы укоренить в болгарской почве социалистическое учение, в те годы уже широко распространившееся по Европе. Самым опытным и авторитетным пропагандистом социалистических идей был среди них Димитр Благоев. Ещё в годы учёбы в Петербургском университете он познакомился с работами Маркса и организовал в 1883 году первую на территории России социал-демократическую группу. Группа Благоева вела пропаганду среди рабочих и установила связь с основанной в том же году за границей Георгием Валентиновичем Плехановым группой «Освобождение труда». Через полтора года полиция разогнала группу Благоева, а сам он был выслан на родину.

Впоследствии Благоев вспоминал: «Вечером 19 июля под вековыми высокими буками... где каждый год 20 июля собирался люд из окрестных сёл, чтобы почтить память погибших на Бузлудже героев-повстанцев, вокруг огромного костра тесно расположилось множество людей, которые с большим увлечением и известной осторожностью тихо дискутировали. Это были прибывшие из Казанлыка и более отдалённых городов участники съезда. Они ожидали других представителей из близлежащих мест, которые стали прибывать с раннего утра 20 июля. Выбор Бузлуджи и 20 июля для первого социалистического съезда был сделан не случайно. Это было время, когда не разрешались никакие открытые собрания, а участников тайных собраний можно было легко обвинить в заговоре против государства, т. е. против тогдашнего режима».

Участники съезда приняли решение создать Болгарскую рабочую социал-демократическую партию и начать пропаганду научного социализма. Вслед за этим съезд принял устав и программу партии, подготовленные Димитром Благоевым и Николой Габровским. В работе «Очерки истории социализма в Болгарии» Благоев отметил, что программа БРСДП была такой же, как у Бельгийской рабочей партии, но приспособленной к болгарским условиям. Впоследствии она была заменена на новую, по образцу программы Социал-демократической партии Германии.

Появление на политической арене Болгарии социалистов вызвало острое любопытство и неприятие в обществе. Пошли разговоры, что они выступают за разрушение семьи, за общность жён и имущества. Священники предавали социалистов анафеме. «Но не только невзгоды личной жизни приходилось в то время переносить нам, социалистам, – вспоминал Димитр Благоев. – К ним надо прибавить и моральный гнёт из-за клеветы и тяжких обид, которые с первых шагов открытой социалистической борьбы причиняли нам наши враги. Они выставляли нас в самом чёрном свете, рисуя чёрными дьяволами, злобными и мрачными, человеконенавистниками, никого и ничто не любящими и никого не уважающими... Каждому из нас ребяташки и распоясавшиеся элементы из буржуазных партий на улицах кричали вслед: „Социалист, социалист!“, а порой и швыряли вдогонку камнями. Нужно было иметь крепкие нервы и глубокую веру в правоту социалистического учения, чтобы всё это выдержать»⁶.

Тем не менее подчеркнём, что социал-демократическая партия в Болгарии возникла и развивалась как партия легальная, парламентская, подобно другим европейским рабочим партиям. Условия для социалистической пропаганды в стране были значительно благоприятнее, чем, например, в России. В конституции, принятой Учредительным собранием в 1879 году в Велико-Тырнове, граждане княжества объявлялись равными перед законом, провозглашалась свобода печати, собраний и сообществ, неприкосновенность личности и имущества. В стране действовали парламент и независимая судебная система, властные полномочия князя имели установленные пределы.

Хотя первые болгарские социал-демократы испытывали давление властей и преследовались полицией за свои публичные выступления, до поры до времени они не знали, что такое тюрьма, ссылка и эмиграция. Они выпускали газеты и книги, получали литературу из-за рубежа, создавали партийные клубы, проводили съезды, избирались депутатами Народного собрания и муниципальных советов, свободно выезжали в другие страны на социалистические конференции. Рабочее движение Болгарии не испытало таких жестоких репрессий, как в России, здесь не практиковались расстрелы забастовщиков и демонстрантов.

Димитр Благоев понимал, что, назвав себя рабочей партией, социал-демократы на самом деле не имеют социальной базы в среде тёмного, бесправного и немногочисленного болгарского пролетариата. Поэтому следует заняться просветительской деятельностью, сочетая её с разъяснением основ социалистического учения. В 1891 году книгой Д. Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?» началось издание «Социал-демократической библиотеки». Создавались вечерние школы для рабочей молодежи. В организованной в Софии школе, куда Георгий Димитров записался одним из первых, ученики изучали математику, астрономию, анатомию и физиологию человека, диалектику природы, историю. Общественные дисциплины преподавали известные социал-демократические деятели Георгий Кирков и Гаврил Георгиев. Димитров усердно занимался в вечерней школе четыре года.

Почитание учёности, образованности – одна из ярких черт болгарского национального характера. Её вскормила память о славянских первоучителях Кирилле и Мефодии, о золотом веке просвещённого царя Симеона, о хранителях национального духовного наследия в годы османского гнёта. Димитрова можно считать человеком, в котором эта черта нашла ярчайшее воплощение.

Он впитывал знания, как губка воду, хотя это давалось ему нелегко. Спустя много лет Димитров рассказывал: «В типографии работал по 10–12 часов в день, а вечером, когда усталый возвращался домой, всегда занимался. Читал беспорядочно, без программы, без руководителя: некому было мне посоветовать, что читать. Часто до утра просиживал над книгой. Так работал годами»⁷. Поистине счастлив тот, кто в юности познал прелесть уединённого чтения, когда мысль жаждет новых и новых открытий...

В уголке комнаты, где находился ткацкий стан матушки Парашкевы, Георгий поставил стол, накрыл его домотканой скатертью, а над столом повесил собственноручно сколоченную полку. Он приучил себя делать карандашом короткие заметки для памяти на обрезках бумаги, когда читал во время обеденного перерыва в типографии. А вечерами доставал заметки из кармана, вспоминал то, что узнал, и заносил самое интересное в особую тетрадку. Эту привычку делать на листах бумаги краткие выписки из книг Димитров сохранил на всю жизнь.

Появилась и другая привычка: подчёркивать или отмечать на полях книги особенно важные места, чтобы можно было в случае необходимости легко их найти, вспомнить. Книга Николая Кареева «Беседы о выработке миросозерцания» (перевод с русского, 1896 г.) оказалась очень полезной. Автор утверждал, что выработка миросозерцания, предполагающая самостоятельность мысли, противоположна пассивному усвоению чужих идей. Поэтому свой рассказ об изучении материальной природы и психических явлений, содержания философского и исторического образования, этике отношений личности и общества Кареев снабдил списочком литературы, поощряя читателя к дальнейшему познанию человека и окружающего мира.

Другая книга, подвергшаяся столь же обстоятельному разбору, называлась «Социализм и социальное движение в XIX веке» (перевод с немецкого, 1899 г.). «Ни одно время не переживало такого полнейшего переворота всех жизненных форм, как наше, – утверждал автор, Вернер Зомбарт. – Всё пришло в движение: хозяйство, наука, искусство, право, религия; все представления находятся в таком брожении, что мы, наконец, приходим к безумной мысли, что не существует ничего прочного. Это, вероятно, важнейший момент для истолкования новейших социальных стремлений». Начав обзор «социальных стремлений» с утопического социализма,

Зомбарт изложил суть учения Карла Маркса, указал национальные особенности рабочего движения в Англии, Франции, Германии и перешёл к современным течениям. («Как жаль, что Болгария и Балканы не попали в его обзор, а ведь и здесь пролетариат заявляет о себе как о растущей силе!» – вероятно, подумал Георгий.)

С годами круг чтения нашего героя не только расширился, но и упорядочился. Сложился устойчивый интерес к литературе по социально-экономическим и политическим вопросам. На книжной полке появлялись новые выпуски «Социал-демократической библиотеки»: «Гражданская война во Франции» Карла Маркса, «Людвиг Фейербах» Фридриха Энгельса, «Коллективизм» Жюлья Геда, «Женщина и социализм» Августа Бебеля, «Как есть и как должно быть» Вильгельма Либкнехта. Среди книг, приобретённых Георгием в начале века, – сочинения Георгия Плеханова, Фердинанда Лассалья, Франца Меринга, Павла Аксельрода, Карла Каутского. Подобно другим молодым болгарским социалистам, Димитров особенно обязан трудам Плеханова: именно в них учение марксизма излагалось в наиболее доступной форме. Разноцветные пометки, оставшиеся на страницах книг, свидетельствуют, что он обращался к ним на протяжении многих лет. Своё отношение к прочитанному нередко выражал в энергичных надписях на полях и кратких заметках на узких полосках бумаги, используемых в качестве закладок, а ошибки и типографские погрешности правил.

Печатники составляли самый организованный и культурный слой болгарских рабочих. Не случайно именно они при содействии социал-демократов создали для защиты своих прав первую профессиональную организацию – Товарищество печатников Софии. Георгий Димитров был среди его учредителей.

В товариществе он сдружился с Александром Ивановым, наборщиком одной из столичных типографий. Старший по возрасту Александр был в некотором роде антиподом Георгия. Яростная ругань, которую он обрушивал на мировое зло, была похожа скорее на отчаянный вопль подавленного нуждой люмпен-пролетария, чем на протест убеждённого в своей исторической правоте сознательного рабочего. Иванов мог бросить работу и отправиться бродяжничать. Из своих странствий он слал другу длинные письма, изобилующие описаниями своих несчастий, мрачными сентенциями и загадочными многоточиями. Георгий неизменно отвечал ему – рассказывал о своих занятиях, давал советы и выручал мелкими денежными переводами.

Отличие от непутёвого друга, Георгий нашёл себя в общественнополезных делах. Через газету печатников «Вести» он обратился к рабочим с предложением создать при товариществе библиотеку. Его расчёт на даровые экземпляры, которые владельцы типографий выдавали своим работникам, оправдался, и через год в библиотечном фонде накопилось уже около четырёхсот книг.

Странная дружба, в которой младший по возрасту покровительствовал старшему, оборвалась столь же неожиданно, как началась, и мы никогда бы не узнали о ней, если бы не сохранившийся дневник Александра Иванова. Единственное повествование о молодом Георгии Димитрове, написанное в начале века по непосредственным впечатлениям, этот дневник подкупает искренностью изложения и достоверностью деталей. Есть в нём и удивительное прозрение: «Знаю, что он занят полезной работой, знаю, что он много, невероятно много занимается, пишет, посещает лекции – одним словом, принимает живое участие в работе социалистической организации. Благодаря этому невероятному труду тов. Георгий поднимется скоро высоко в умственном отношении. Я предвижу, что недалёк тот день, когда Георгий займёт видное место среди наших социалистических деятелей. Он чрезвычайно добр, честен и, главное, трудолюбив»⁸.

Следующий шаг Георгия на политическом поприще стал вполне закономерен: весной 1902 года он вступил в Болгарскую рабочую социал-демократическую партию. Его поручителем стал типографский рабочий Петко Величков. К сожалению, Величков опоздал на собрание

городской организации, поэтому в своих позднейших воспоминаниях не смог рассказать, как проходило собрание.

Димитрова приняли в БРСДП вопреки установленным правилам, когда ему ещё не исполнилось двадцати. Его влекла стихия борьбы, он готов был тотчас же «без страха и сомненья» броситься в самую гущу схватки с капиталом. Восторгом неопита, открывшего для себя великую истину, проникнуты витиеватые фразы его маленькой заметки, опубликованной газетой «Български печатар»: «Будем же выковывать в себе прочное, стройное и полное мировоззрение, которое не смогут поколебать никакие жизненные испытания, станем сознательными рабочими, пройдя первую школу воспитания в профсоюзах, определим для себя ту путеводную звезду, которая во имя общих болей и надежд рабочих всего мира укажет верный путь сознательной социальной борьбы, – вот что мы должны сделать, чтобы рабочие стали общественно значимой силой, тем социальным рычагом, что последовательно продвигает современное человечество по пути прогресса»⁹.

То было первое в его жизни выступление в печати – подлинный гимн сознательному борцу-пролетарию, созданный человеком, осознавшим свою жизненную цель. Примечательно, что литературное творчество нашего героя началось не со школьного сочинения и не с юношеских стихотворных опытов, а с газетной заметки на актуальную тему. Эта заметка ознаменовала рождение будущего публициста, или *политического писателя*, если применить распространённый в Европе термин.

Партийный клуб, куда Георгий стал приходить регулярно, находился в старом одноэтажном доме по улице Княгини Марии-Луизы⁷. Улица эта, носившая имя Марии-Луизы Бурбон-Пармской, недавно умершей супруги князя Фердинанда, обустроивалась по-европейски. По обеим её сторонам чугунные фонарные столбы чередовались с липами, по рельсам, проложенным вдоль булыжной мостовой, неторопливо катили трамваи акционерного общества «Льеж».

Клуб БРСДП не отличался изысканностью обстановки: разномастные скамьи и стулья, простые столы, кипы газет и журналов в шкафах, пролетарский лозунг и карта Болгарии на стене – таков был его интерьер. Здесь проходили собрания и дружеские встречи, посетители имели возможность почитать новинки, поговорить за чашкой чая с лукумом.

Скорее всего, именно в партийном клубе Георгий впервые встретил Димитра Благоева. Лидер партии жил тогда в Пловдиве, где выпускал журнал «Ново време», а в Софию приезжал по партийным делам и на заседания Народного собрания как депутат от партии. Пятидесятилетнего Благоева близкие люди в глаза и за глаза уважительно называли «Дед», признавая тем самым патриархом движения.

Двух ближайших сотрудников Благоева – Георгия Киркова и Гаврила Георгиева – можно было ежедневно видеть в редакции «Работнически вестника» (она тоже находилась в клубе) за длинным столом, заваленным рукописями, книгами и гранками.

Настоящим кумиром нашего героя стал Георгий Кирков. Замечательный публицист, он придумал для своих фельетонов литературный персонаж – Мастер Гочо Зуляма, откуда и пошёл его партийный псевдоним – Мастер. Георгий зачитывался его острыми статьями. «Что есть либерал?» – вопрошал Кирков в одном из фельетонов цикла «Политическая зоология» и отвечал на этот вопрос так: «Либерал есть хищное животное из рода шакалов. Либерал покрыт густой шерстью, цвет которой меняется в зависимости от погоды». Перечитывая эти строки, Георгий вспоминал бороду Радославова и хохотал.

В софийской организации БРСДП числилось около трёхсот человек, на собрания же приходили от силы шестьдесят-семьдесят. Организацию сотрясали идейные разногласия. То же самое происходило и в других городах. В партии сформировалось два течения, лидеры

⁷ В 1950-е годы улица была переименована в бульвар Георгия Димитрова; ныне историческое название возвращено.

которых, исповедуя социалистические идеи, по-разному видели путь продвижения общества к социализму. Янко Сакызов, редактор журнала «Обшто дело» («Общее дело»), отстаивал путь демократических реформ, парламентаризма. Ссылаясь на малочисленность и неразвитость класса наёмных рабочих в Болгарии, он считал необходимым объединение рабочих и земледельческих масс, ремесленников, прогрессивных торговцев и промышленников в общем деле борьбы против реакционных режимов, за демократические преобразования в стране, за права трудящихся. Взгляды Благоева и его единомышленников, получившие отражение в журнале «Ново време», были противоположного свойства. Не может быть общего дела у капиталистов и наёмных рабочих, доказывал в своих статьях Благоев. К победе может привести только непримиримая классовая борьба и революция, пролетарскую партию нельзя низводить до положения попутчика буржуазных и либеральных партий. Автор строго следовал духу и букве марксизма, немедленно предавая анафеме каждого заподозренного в отступничестве. В ответ Сакызов упрекал своего оппонента в догматизме и настаивал на том, что марксизм следует понимать не узко, как Благоев и его окружение, а широко, как понимает он сам и журнал «Обшто дело». Так возникли названия двух течений болгарской социал-демократии – широкие социалисты, или просто *широкие*, по-другому – *общедельцы*, и тесные социалисты, или *тесняки* (от болгарского слова «тесен», что означает «узкий»).

Схожие процессы происходили в начале века и в российской социал-демократии (большевики и меньшевики), но при этом «подражание» не имело места, поскольку связи между партиями отсутствовали. Логика развития социал-демократии была одинаковой: идейные расхождения и споры, различия в трактовке наследия основоположников, взаимные нападки и подозрения, невозможность политического сотрудничества противостоящих групп приводили к размежеванию и оформлению самостоятельных партий.

«Партия не нуждается в орущей „ура“ толпе и оплачиваемых демагогах, – писал Георгий Кирков в журнале «Ново време». – Убеждённых социал-демократов, имеющих в партии, по нашему мнению, вполне достаточно, чтобы составить ценное ядро нашего пролетарского социалистического движения. Весьма болезненная ампутация, предстоящая партии, будет способствовать отрадному выздоровлению и усилению этого движения»¹⁰.

Впоследствии Димитров будет использовать в схожих политических ситуациях этот выразительный термин – *ампутация*.

В феврале 1903 года 53 члена БРСДП вышли из софийской организации партии и образовали свою ячейку. Разделился и Центральный комитет, а вскоре произошёл окончательный раскол и возникли две самостоятельные партии, называющие себя социал-демократическими, – БРСДП (т. с.) и БРСДП (ш. с.), иначе говоря – тесные и широкие социалисты.

Георгий без колебаний принял сторону Димитра Благоева. Он отстаивал правоту тесняков пылко и бескомпромиссно. «Мы знаем, – писал он в газете «Работнически вестник», – что на нас незаслуженно обрушится целый град камней, но это нас не поколеблет, мы не оставим нашу работу. Мы будем идти по своему пути с горячей верой в правоту дела, которое защищаем. И недалёк день, когда рассеется мгла, исчезнет неведение, наступит отрезвление, и заблудшие члены партии, которые сейчас так ожесточенно кричат против нас, окончательно рассчитаются с „широким“ социализмом, чтобы прийти под наше знамя, знамя пролетарского социализма...»¹¹.

Летом 1903 года из-за длительной болезни Георгий потерял место в типографии «Либерален клуб» и уехал в старинный городок Самоков, что у подножия горного массива Рила. Там он стал управляющим-наборщиком в учебной типографии Американского колледжа – закрытого учебного заведения, устроенного протестантскими миссионерами. Александр Иванов, посетивший друга в январе 1904 года, описал его жилище так: холодная пристройка к небольшому домику, где почти отсутствует мебель, но повсюду лежат груды книг и газет.

Появление в маленьком городке симпатичного молодого человека не осталось незамеченным местными барышнями. Но столичный гость, как с грустью вспоминала одна из них, ходил по улице, уставив глаза в землю, думая о чём-то своём, и не замечал томных взглядов городских красавиц. О нём можно было бы сказать словами поэта: «Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». Имя этой страсти – Революция. Единственной же революционной партией была в его представлении партия социал-демократов в её тесняцком варианте.

Сразу по приезде в Самоков Георгий познакомился с секретарём местной социал-демократической организации Михаилом Дашиним. Оба оказались сторонниками и почитателями Димитра Благоева. По поручению Дашина Георгий организовал политический кружок, куда записалось двенадцать юношей. Изучали «Эрфуртскую программу» – популярную в те годы книгу Карла Каутского о социал-демократии. Это был первый пропагандистский опыт Георгия. Весной, чтобы поближе сойтись с кружковцами, он устроил прогулку в горы. На коллективной фотографии мы видим всю группу, живописно расположившуюся среди валунов. Димитров стоит в центре, он серьёзен и выглядит старше своих лет.

Воодушевлённый первым успехом, Георгий создал социал-демократический кружок в Американском колледже, что отдавало явным авантюризмом. И произошло неминуемое: узнав о проделке своего служащего, директор колледжа отставил его от должности, и Георгию пришлось возвратиться в Софию.

На XI съезде БРСДП(т. с.) в июле 1904 года Димитр Благоев заявил, что партия успешно преодолевает последствия раскола, вокруг неё уже сплотилось три тысячи человек. Но этого, разумеется, мало. Надо удвоить усилия, чтобы развернуть пропаганду среди наёмных рабочих, вербовать в ряды партии новые силы.

Промышленный подъём в Болгарии, начавшийся в 1901 году, продолжался, а вместе с ним росло рабочее движение. В разных концах страны под влиянием социалистической пропаганды стали возникать профессиональные организации рабочих. В 1904 году их было уже 75. Тесняки считали, что эти ячейки (их называли синдикатами) следует объединить в союз, способный вести классовую борьбу под патронажем БРСДП(т. с.).

Вслед за партийным съездом в Пловдиве состоялся съезд делегатов рабочих обществ, учредивший Общий рабочий синдикальный союз – ОРСС⁸. Георгий Димитров, ставший к тому времени секретарём синдиката печатников столицы, и Петко Величков представляли на съезде типографских рабочих Софии. Обоих избрали в состав руководящего органа ОРСС – Синдикального комитета, который возглавил Георгий Кирков. А Петко Величков стал управляющим делами комитета.

Вскоре в партии снова развернулась дискуссия. Группа тесняков, в том числе и один из пионеров социалистической пропаганды в Болгарии Георгий Бакалов, выступила против «диктатуры центра». Благоев окрестил эту группу анархолибералами и охарактеризовал её действия как проявление интеллигентского индивидуализма, нетерпимого в пролетарской партии.

Дискуссия завершилась на XII партийном съезде, проходившем в Софии летом 1905 года. Георгий проголосовал за предложенную Димитром Благоевым резолюцию, требующую установить в партии «подлинно социал-демократическую дисциплину». Речь шла о консолидации партийных рядов на единой идеологической платформе, соподчинённости ее структур снизу доверху, нетерпимости к своеволию в реализации принятых партийным большинством решений.

⁸ Болгарское название этой организации (Обшт работнически синдикален съюз) обычно переводится на русский язык как Всеобщий (или Общий) рабочий профессиональный союз. Автор счёл возможным сохранить в качестве исторической детали термин *синдикат*, заимствованный из французской политической лексики, и тем самым аббревиатуру ОРСС.

На съезде состав ЦК пополнился двумя активистами – Христо Кабакчиевым и Василом Коларовым. Они были всего на несколько лет старше Георгия, но имели иной жизненный опыт. Изучали право в Швейцарии, а по возвращении на родину стали заниматься адвокатской практикой. Кабакчиев проявил себя как публицист и пропагандист. Георгий читал его статьи в «Рабочнически вестнике» по злободневным вопросам рабочего движения. Но сблизиться с этим не очень общительным человеком ему удалось не сразу.

Коларов, руководитель пловдивских тесняков, напротив, был человеком открытым и разговорчивым. «Приходят ко мне в Народный дом рабочие с кожевенного завода, человек этак двадцать, – рассказывал он. – Вид имеют довольно угрожающий: чалмы, красные пояса с заткнутыми за них ножами. Кожевники у нас числятся самыми отсталыми и неразвитыми среди рабочих. Рассаживаются, начинают сбивчиво говорить. О чём – не пойму, толкуют про какой-то сундук. Что за сундук? Оказывается, тот, куда откладывают деньги для взаимной помощи на случай забастовки. Начинаю догадываться, о чём идёт речь: «сундук» – не что иное, как СИНДИКАТ! Разъясняю, что собой представляет эта организация, что хозяева и городские власти не хотят, чтобы рабочие в неё вступали. Тогда один из этих кожевников, должно быть вожак, вскочил, сдёрнул чалму и хватил ею об пол: „К дьяволу хозяев, к дьяволу власти! Будем бастовать!“»

На профсоюзном съезде, состоявшемся вслед за партийным, Георгия Димитрова избрали управляющим делами ОРСС. Его предшественник и товарищ Петко Величков, примкнувший к анархолибералам, запустил дела в комитете, увлечшись внутривнутрипартийной дискуссией. Вероятно, Георгий пытался переубедить товарища, однако это ему не удалось, и он поступил в соответствии с кодексом поведения тесняков, согласно которому интересы партии должны быть выше интересов отдельной личности. Быть на разных идейных позициях и в то же время поддерживать дружеские отношения – нет, такое невозможно было представить. (Не ведал в то время наш герой, сколько раз ему придётся впоследствии оказываться в подобной ситуации, и выбор будет становиться всё жестче, цена его дороже, а ошибка опаснее.) Сравнение коллективных фотографий участников двух профсоюзных съездов красноречиво: на фото 1904 года Георгий Димитров и Петко Величков стоят рядом, год спустя они находятся в противоположных концах людского ряда⁹.

⁹ Через сорок лет, возвратившись после долгих лет эмиграции на родину, Георгий Димитров разыскал Петко Величкова. Они встретились и долго разговаривали наедине. О чём – осталось неизвестным.

Любица

В одном из пустующих зданий по улице Царя Симеона тесняки оборудовали новый партийный клуб. Условия здесь были, можно сказать, роскошными: на первом этаже зал с длинными скамьями и трибуной, на втором – партийная книжная лавка, комнаты ЦК, Синдикального комитета, редакции газеты «Работнически вестник» и журнала «Ново време». Георгий бывал в клубе почти ежедневно: того требовали теперь его обязанности.

Под праздник, а иногда и просто в выходной день в клубе устраивались вечеринки. Они имели шумный успех, поскольку для большинства рабочих были единственной возможностью культурного отдыха. Вечеринки обычно открывал Георгий Кирков. Звучал «Интернационал» в исполнении струнного оркестра, после чего следовала лекция на актуальную тему, а потом самодеятельные артисты давали концерт. Инсценировали рассказы и разыгрывали пьесы Ивана Вазова, Алеко Константинова, Николая Гоголя, Антона Чехова, исполняли стихи и песни. Георгий Кирков читал свои политические памфлеты и сатирические рассказы от лица Мастера Гочо Зулямы.

Огромную популярность приобрела поставленная на сцене партийного клуба драма Гауптмана «Ткачи». Роль Луизы исполнила в ней изящная девушка, незнакомая Георгию. В ту пору женщины ещё не решались в одиночку приходить в партийный клуб, а эта со вкусом одетая девушка с глубоким, будто изучающим взглядом тёмных глаз бывала здесь часто. Георгий выяснил, что она работала модисткой в фешенебельном ателье австрийца Полицера, недавно была избрана в руководство синдиката швейников. Звали девушку Любица Ивошевич, Люба, а приехала она из Сербии.

Швея Цветана Сарафова вспоминает о той поре: «В глубине комнаты я увидела за столом Георгия Димитрова, бледного и худого. Мы не были с ним знакомы, хотя и здоровались на улице, – ведь жили мы поблизости. Он не замечал меня, как не обращал внимания и на других девушек. Всегда задумчивый, сосредоточенный, он выглядел гордецом: всё куда-то спешил, натолкав в карманы книг и никого не замечая вокруг.

Увидев его, Люба остановилась, попросила меня немного обождать её и направилась к Георгию. Они поговорили и даже, как мне показалось, о чём-то поспорили. После этого он дал ей какие-то книги...

Всякий раз, когда Люба встречала Георгия, она краснела, а я, смеясь, поддразнивала её: „Любица, а всё-таки нравится тебе Георгий“. – „Оставь это, Цветанка, мы только хорошие друзья, вместе работаем и боремся за одно дело“, – таким был её обычный ответ»¹².

Но оказалось, что этим было сказано далеко не всё. Борисов сад, более демократичный и обширный, чем сквер напротив царского дворца, стал обычным местом воскресных прогулок постоянной компании: Любица, Георгий, Петко Величков и его приятель Янко Дундаров. Иногда они заходили вчетвером в кафе на бульваре Князя Дондукова, носившее название «Бахус». В заведении, вопреки его названию, можно было провести целый вечер за чашкой кофе. Никто не нарушал сложившихся в компании товарищеских отношений попытками ухаживания за девушкой, да и сама она не давала к тому повода. Её привлекала возможность серьёзного общения, чего она была лишена в среде работниц швейного ателье. Но однажды Величков и Дундаров, заглянув в «Бахус», увидели Георгия и Любицу, которые сидели, склонившись друг к другу, и о чём-то вполголоса разговаривали. Ещё больше возросло изумление нечаянных свидетелей свидания, когда молодые люди лишь кивнули в ответ на приветствие, но не пригласили их за свой столик.

Величков высказал предположение, что тут замешана любовь, и не ошибся. Искорка взаимной симпатии, что пробежала между Любицей и Георгием в первые дни их знакомства, разгоралась всё ярче. Вскоре появилась у них своя скамейка и своя дорожка в Борисовом саду,

а обмен мнениями по поводу клубных концертов и газетных статей перестал составлять преимущественное содержание их разговоров.

Судьба Любицы могла бы сложиться так, как складывались судьбы тысяч девушек из простонародья. Детство в сербском селе без матери и практически без отца – тот занимался отхожим промыслом, – унижительная доля прислуги-ученицы у провинциальной белошвейки, ежедневная работа по двенадцать часов – и это в пятнадцать лет! Жизнь города предоставляла небогатый выбор девушкам, которые сами добывали хлеб насущный. Если не удавалось выйти замуж, они часто превращались в гризеток, не особенно заботящихся о соблюдении моральных заповедей, а порой и в проституток. Но хрупкая на вид Любица оказалась того же крутого замеса, что и Георгий. Она не сдалась на милость судьбы: превосходно освоила швейное мастерство в дорогих ателье Белграда и Вены, выучила немецкий язык, занималась самообразованием, писала стихи. Георгий восхищался душевной тонкостью подруги и богатством её внутреннего мира. Нередко со стыдом признавался себе, что представления не имеет о каком-нибудь знаменитом поэте, стихи которого она свободно цитирует по-немецки.

И настал день откровения, когда были сказаны главные слова, а Любица поведала о своей недавней драме. Оказавшись в поисках работы в Ямболе, она вышла замуж, но брак оказался неудачным и недолгим. Георгия не смутило признание Любы, давшееся ей нелегко. Пережитые страдания и повышенная душевная чувствительность подруги вызывали у него лишь одно желание – защитить ее от жесткостей и мерзостей окружающего мира. Правда, он знал, что поэтичная и мечтательная Люба и сама может постоять за себя. И это было ему по душе. Ведь он представлял свою будущую спутницу жизни отнюдь не мещанкой, чуждой служению общественным идеалам, замкнутой исключительно в рамках семейной жизни. Непроизвольно сравнивая Любицу с Велой Благоевой и Тиной Кирковой, убеждался: да, они одной крови. Заботливые жёны и матери, Вела и Тина были передовыми женщинами своего времени, отдавали много сил работе на общественном поприще.

Венчание Георгия и Любы состоялось 30 сентября 1906 года. На пути к этому дню им пришлось преодолеть немало препятствий. Если для жениха и невесты церковный обряд был всего лишь пустой формальностью, то бай¹⁰ Димитр и матушка Парашкева относились к бракосочетанию со всем пиететом верующих людей. И когда Георгий со смехом сообщил им, что в евангелической церкви и слышать не хотят о венчании двух безбожников и социалистов, для родителей это был настоящий удар. Матушка Парашкева отправилась на поклон к православному священнику, но вернулась ни с чем: тот заявил, что никогда не поставит под венец отпрыска семьи евангелистов, и упрекнул её саму в отступничестве от истинной веры. Уладить дело взялся адвокат из Плевена Тодор Луканов, знакомый социал-демократ. Он договорился с настоятелем плевенской методистской церкви, и тот без проволочек обвенчал молодых.

Такова общеизвестная версия бракосочетания Георгия и Любицы. Однако на самом деле существовала гораздо более серьёзная проблема, чем поиск церкви для венчания. Доступные источники не сообщают, была ли Люба к тому времени разведена со своим прежним мужем – ведь для расторжения церковного брака требовались веские основания. Конечно, и данное обстоятельство не смогло бы помешать любящим друг друга молодым людям заключить свободный союз, поскольку они придерживались в этом вопросе иных принципов, чем те, что диктовала господствующая мораль. Другое дело – родители Георгия; их вряд ли убедил бы такой довод.

Молодожёнам отвели комнату на втором этаже. Два её окна выходили во двор. Братья помогли Георгию втащить наверх его небогатое имущество, преобладающую часть которого составляли книги и журналы. Поставили две кровати с высокими железными спинками, пись-

¹⁰ *Бай* – принятое в Болгарии уважительное обращение к пожилому мужчине.

менный стол, шкаф, тумбочку. Нашлось место и для швейной машинки «Зингер». Матушка Парашкева преподнесла молодым собственноручно сотканые половики.

Войдя в семью Димитровых, Любица обрела обширную родню.

Двадцатидвухлетняя Магдалина к тому времени вышла замуж за владельца небольшой типографии Стефана Барымова и переселилась к мужу в Самоков.

Двадцатилетний Никола работал переплётчиком. Он состоял в профсоюзе печатников и завёл знакомство с русскими эмигрантами, бежавшими в Болгарию после революционных событий 1905 года. По характеру, живому и импульсивному, Никола подходил под определение «буйная головушка».

Любомир в свои восемнадцать лет, напротив, не проявлял интереса к политике. Толковый слесарь, он целыми днями возился с железками, за что и получил прозвище Демир – по-турецки «Железный».

Костадин пошел по стопам Георгия: в тринадцать лет поступил учеником наборщика в типографию.

Борис и Тодор радовали успехами в учебе, и родители надеялись, что хотя бы им удастся завершить гимназический курс.

Восьмым и последним ребёнком в семье была трёхлетняя Елена, сразу же привязавшаяся к Любице.

Глава семейства продолжал шить шапки, уповая на непритязательный вкус селян. Давно уже перешли на шляпы Георгий, Никола и Любомир, примеривался к европейскому убору Борис, щеголял в фуражке с лаковым козырьком Тодор, и только бай Димитр не изменял своей привычке: на единственном семейном фотоснимке мы видим его в традиционной барашковой шапке.

Молодые не тратили чрезмерных усилий на устройство быта, жизнь вели скромную. Должность Георгия оплачивалась невысоко; Люба зарабатывала больше – она стала управляющей в ателье Полицера и сама шила, как о том свидетельствует газетное объявление, «повседневную и праздничную дамскую, мужскую и детскую одежду по умеренным ценам». Одевалась она со вкусом, хотя и просто, и следила, чтобы муж всегда выглядел достойно. На фотографиях среди бастующих рабочих или участников профсоюзного съезда мы видим Георгия в блузе или в свободной белой рубашке; потом пришло время костюмов, крахмальных сорочек и галстуков-регатов с постоянным узлом.

Комната супругов содержалась в идеальном порядке и была убрана по-европейски: ваза с цветами, изящные статуэтки, салфетки, немецкие гобеленовые коврики с назидательными высказываниями (один из них постоянно напоминал о том, что работа делает человека свободным – *Arbeit macht frei*). Когда они соединили свои домашние библиотеки, получилось неплохое собрание научной, политической и художественной литературы. Рядом с книгами Георгия разместились пронумерованные томики с аккуратной надписью «Из книг Любицы Ивошевич»; под номером первым значилось сербское издание знаменитой работы Августа Бебеля «Женщина и социализм», к которой Люба постоянно обращалась, когда готовилась к беседам с женщинами-работницами. Каждый месяц библиотека пополнялась новинками. Сборник статей Плеханова «Искусство и критика» Никола переплёл в красивую обложку и оттиснул на корешке вензель «Л. и Г. Д.»; тем самым семейная библиотека обрела свой знак. Люба поддерживала в порядке растущее книжное собрание, подбирала для Георгия книги, делала из них выписки.

Однажды из Белграда пришёл номер сербского журнала, где Любица опубликовала стихи под псевдонимом Лидия. В стихотворении, посвящённом памяти поэта Ребрича, она высказала свое гражданское кредо: напрасно поэт не обратил свою тоскующую лиру в меч карающий, чтобы иметь право в конце пути воскликнуть: «Я был поэт – и умер, как борец!» В стихотво-

рени отчётливо звучали мотивы некрасовской музы мести и печали, поклонницей которой Люба стала с юных лет.

Постепенно сложилась привычка посвящать утренние часы самообразованию. Георгий и Люба конспектировали научные работы, читали вслух литературные новинки. Люба стала помогать Георгию в изучении немецкого языка, занимались и русским. Эти занятия они называли утренниками и свято соблюдали ритуал даже вдали друг от друга, обмениваясь в письмах впечатлениями о прочитанном. Круг их занятий можно довольно определённо представить по изданиям тех лет, сохранившим пометки Георгия Димитрова и листочки-закладки с заметками. Среди этих книг на болгарском и русском языках – «Профессиональное движение и политические партии» Августа Бебеля, «Теория и практика английского трэд-юнионизма» Сиднея и Беатрисы Вебб» (в переводе Владимира Ильина, то есть В.И. Ленина), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса, первый том «Капитала» Карла Маркса, «Этика и материалистическое понимание истории» Карла Каутского, «Французская революция» Франца Меринга.

Весной 1907 года Люба уехала в Сербию навестить родственников, а Георгий отправился в большую поездку по стране. Расставаясь, они рассчитали, когда и в какие города Люба станет отправлять письма, чтобы они застали там Георгия. Сам же он пообещал писать если не каждый день, то по крайней мере из каждого города, где есть почтовая контора¹¹.

Первая остановка – Стара-Загора. Здесь цвели липы и каштаны, но Георгию было не до сантиментов. Он обошёл одно за другим предприятия, провёл собрания. Его доклад назывался «Политический момент и рабочий класс». Говорить же приходилось о самом насущном, что подсказывала жизнь.

Любе писал, как договаривались, из каждого города. Телеграфные строчки с перечислением новостей перемежались лирическими пассажами и любовными откровениями.

Из Бургаса: «Сердечный и горячий привет от морских волн, милая Люба. Вчера вечером приехал сюда. Сегодня два собрания. <...> Тут значительный успех. В прежние приезды не было ни одного нашего товарища, теперь 30–35 человек. Множество поцелуев шлю тебе, милая. Люблю тебя безгранично, дорогое моё сокровище. Твой Жорж».

(Люба переименовала его имя на французский манер для переписки. «Милый Жорж!» – обращалась она к нему; «Твой Жорж» – стало его традиционной подписью.)

Из Айтоса: «Майский привет, моя милая. Традиционный праздник весны тут празднуют довольно шумно. Айтос – маленький, но очень оживлённый город с шумной общественной жизнью. <...> На вчерашнее собрание пришло много рабочих. К вечеру буду в Карнобате, а завтра в Сливене».

Из Сливена: «Проглотил твоё письмо от 20 и 21 апр. и карточку от 24. <...> Хотя и устал от каждодневных собраний, чувствую себя хорошо. Твои письма чрезвычайно ободрили меня. С нетерпением ожидаю новые. Пиши часто-часто, милая моя. Этим вечером будет собрание здесь, завтра тоже. Целую тебя, милая. Твой Жорж».

В благословенной долине Роз, зажатой между горными хребтами, готовились к сбору розовых лепестков. Вот-вот приедут сюда на заработки сотни женщин. Будут встречать протяжными песнями утреннюю зарю, оборвут нежнейшие цветки с колючих кустов, и обернутся потом эти невесомые лепестки тяжёлым золотом в банковских сейфах торговцев розовым маслом... В селе Шипка Георгий купил открытку с видом русского монастыря и сообщил Любе, что «один товарищ» пообещал сварить «для моей самой милой» бутылочку розового масла.

¹¹ Переписка между Георгием и Любой Димитровыми хранится в Центральном государственном архиве Болгарии. Это более 300 писем и почтовых карточек. Самые первые датированы 1905 годом, последние – весной 1922 года. Перед отъездом в эмиграцию в 1923 г. Люба спрятала 230 писем в тайник на чердаке дома на Ополченской, где они были обнаружены в 1949 г.

Из Пазарджика: «Твое длинное письмо получил вместе с цветком и бабочкой. Напишу тебе завтра утром».

Ах Люба, Люба... На какой полянке сорвала ты незабудку, что вложила между страницами письма? И почему именно этот скромный цветок избрали люди знаком сердечной привязанности?..

Из Самокова: «Центральный Комитет телеграфировал мне ехать в Дупницу на партийное собрание, которое будет 20 и 21 мая. По таковой причине, милая, вернись в Софию не раньше 22 мая. Мне очень жаль, но, как ты понимаешь, это работа, которую невозможно отставить. Сообщи Лине, когда приедешь. Тысячи горячих поцелуев. Твой Жорж»¹³.

Георгий вернулся домой на неделю позже намеченного срока – похудевший, прожаренный солнцем. Люба уже ждала его, родная, близкая...

Такова классовая борьба

Управляющий делами был единственным оплачиваемым из профсоюзной кассы служащим ОРСС. Георгий Димитров стал, говоря современным языком, профсоюзным функционером, но в разнообразных анкетах, отвечая на вопрос о профессии, всегда указывал «наборщик», а при случае заглядывал в типографию, чтобы вдохнуть знакомый запах краски и керосина, поговорить с коллегами. Не представляя себя кабинетным работником, всецело занятым отчётами, перепиской, статистикой, Георгий радовался, что мог окунуться в гущу рабочей жизни в разных уголках страны, ощутить пульс пролетарской борьбы.

Первое серьёзное испытание ему предстояло пройти на угольных шахтах Перника. Шахты принадлежали государственному акционерному обществу, что объяснялось значением, которое играл в ту пору уголь для развития промышленности страны. Организовав там социалистический кружок, Георгий познакомился с тяжелейшими условиями труда и быта шахтёров. Они проводили под землей по двенадцать часов, часто получали увечья, заработок выплачивался с опозданием на два-три месяца. Государство не тратилось на новшества: кирка, вагонетка да масляная лампа составляли всё техническое вооружение горняков. Ведь рабочая сила была дешева и постоянно пополнялась за счёт переселенцев из дальних краев, а зимой на шахту нанимались крестьяне. Жили шахтёры в тесных бараках. Словом, перед Георгием предстала типичная картина ничем не ограниченной эксплуатации, иллюстрирующая начальный этап капиталистического развития. У шахтёров не было организации, способной выступить в защиту их интересов. Стихийные протесты подавлялись полицией или гасли из-за боязни рабочих остаться без средств.

«В Перник я приехал впервые в октябре 1905 года, – вспоминал Димитров много лет спустя, – по поручению нашей партии и Всеобщего рабочего профессионального союза, чтобы подобрать шахтёров, с которыми можно было бы попытаться заложить основы профессиональной организации горняков. Тогда я нашёл всего несколько сторонников этой идеи. Над Перником висела тёмная, беспросветная ночь. Перник представлял собой небольшое царство тьмы, рабства и страшной нищеты.<...> Но эта горсточка шахтёров начала думать всерьёз об изменении этого положения, о создании организованной силы, которая была бы способна защищать жизнь, интересы и права шахтёров. Через некоторое время шахтёров-апостолов стало двенадцать, как в библейской легенде»¹⁴.

В июне 1906 года девятьсот шахтёров Перника бросили работу в знак протеста против увольнения товарищей. Стачечный комитет во главе с Кирковым и Димитровым потребовал разрешить создание рабочего синдиката, повысить расценки и улучшить условия труда. Противоборство шахтёров и акционерного общества продолжалось больше месяца. Насилие и провокации со стороны властей, а главным образом тяжёлое материальное положение рабочих помешали довести борьбу до победы, но дирекции всё же пришлось удовлетворить часть требований стачечников. Возник первый в стране профсоюз горнорабочих.

Ход этого драматического противостояния Георгий Димитров проанализировал в статье «Классовая борьба в Пернике», опубликованной в партийной газете. Уже из названия статьи видна его бескомпромиссная позиция: борьбу шахтёров он не сводил к добыванию уступок со стороны хозяев, а рассматривал её в русле высших политических задач пролетариата.

В докладе на очередном съезде ОРСС Димитров обобщил результаты стачек в различных городах, суммировал данные о составе профсоюзов, показал приход и расход денежных средств. Он не преувеличивал успехи рабочего движения: отметил неустойчивый состав многих организаций, указал на их слабости и промахи. И всё-таки его вывод о том, что профсоюзы становятся подлинными защитниками интересов и выразителями чаяний рабочих, прозвучал вполне обоснованно.

Таковы были первые шаги нашего героя на профсоюзном поприще. Он сразу понял, сколь мало соответствует название должности управляющего делами ОРСС действительному характеру его работы, и был этому чрезвычайно рад. «Дела» – это не папки с бумагами, а организация классовой пролетарской борьбы.

За четыре года, что Димитров проработал управляющим делами ОРСС, он объездил практически всю страну, а в промышленных городах побывал не один раз. То были годы роста болгарской экономики. Благодаря поддержке государства быстро увеличивалось число предприятий, особенно в пищевой и текстильной отраслях, строились железнодорожные линии и пристани, прокладывались шоссейные дороги. Правительство поощряло развитие сельского хозяйства, торговли, градостроительства, шло перевооружение армии. Был учреждён университет, открывались новые школы и гимназии.

Ускоренная европеизация страны сопровождалась громкими скандалами, связанными с крупными взятками и аферами. Увеличивались налоги, усиливалась эксплуатация трудящегося люда. Ответом были стачки рабочих Софии, Бургаса, Варны, Русе, Габрово, Перника. Власти принимали законодательные акты, ужесточавшие наказания организаторам и участникам стачечной борьбы. Не только социал-демократы, но и другие оппозиционные партии вели атаки на правительство и монарха. В Народном собрании звучали обличительные речи, граждане открыто негодовали, рабочее движение стало осознаваться как новая общественная сила.

Странствующий проповедник марксизма и упорный организатор, Георгий обходил пешком горные деревушки и маленькие городки, где приходилось ночевать в жилищах бедняков, довольствуясь миской кукурузной каши да грубошёрстной подстилкой, брошенной на топчан. Ему хотелось понять настроения и нужды людей, чтобы умело их защищать, он стремился приблизить то время, когда на смену стихийному протесту и бессмысленному бунту придут организованные выступления сознательных рабочих за свои права и классовые интересы.

Постоянные «хождения в народ» обострили его ненависть к тем, кто живёт за счёт эксплуатации других, кто придумывает законы, делающие возможным экономическое и социальное угнетение, кто защищает интересы меньшинства, обрекая на безрадостную жизнь большинство. Никто не смог бы убедить нашего героя в том, что существование, которое ведут тысячи тёмных и полунитых болгарских рабочих, может считаться достойным человека. «Продолжительный рабочий день, низкая заработная плата, антисанитарные условия в мастерских и на фабриках, работа ночью и в праздничные дни, широкое использование женского и детского труда, частая безработица, отсутствие каких бы то ни было серьёзных законодательных ограничений эксплуатации – всё это закрывает доступ к культуре широким слоям рабочих, мешает их развитию, организации, росту их классового самосознания, – писал он в статье, опубликованной в журнале «Ново време». – Известно, что усталый и измождённый от круглосуточной работы и недостаточного питания рабочий не может быть полноценным участником рабочей организации.<...> Вот почему борьба за лучшие условия труда, за подлинно рабочее законодательство – *жизненная необходимость* для правильного развития рабочих организаций»¹⁵.

Однако аналитические статьи в то время Георгий писал редко. Общение с профсоюзными активистами и трудовым людом, а больше всего непосредственное участие в пролетарской борьбе и политических конфликтах давало ему обширный фактический материал, из которого вырастали небольшие и простые по форме газетные корреспонденции, наполненные жизненной правдой. Разумеется, каждая его заметка была политически заострена, дышала страстной убеждённой автора в правоте своего дела. Газетная работа нравилась Георгию; он приобрёл навык писать легко и быстро, что можно считать прямым результатом его привычки к постоянному и вдумчивому чтению.

Болгарский социализм вырос не только на трактатах марксистских теоретиков и пропагандистов конца XIX века. Он опирался на чувство сострадания угнетённым и бесправным, на естественное желание совестливых людей перестроить жизнь на справедливых и разумных началах. Христо Ботеву, выдающемуся поэту и революционеру, принадлежит максима, которую запомнил Георгий: «Только тот, кто жил, страдал и плакал вместе со своим народом, сможет его понять и ему помочь».

В радикализме тесняков было немало общего с жертвенным служением своим идеалам героев национально-освободительной борьбы 70-х годов XIX века, мечтавших о «святой и чистой республике» (Васил Левский) и «едином светлом коммунизме» (Христо Ботев). Тесняки столь же истово исповедовали веру в освобождение трудового народа от эксплуатации революционным путём. Их приверженность идее непримиримой классовой борьбы была столь велика, что малейшее отступление от неё считалось предательством, разоружением перед лицом врага. Все рабочие организации в стране, а не только ОРСС, считали они, должны развиваться и крепнуть под тёмно-красным знаменем партии тесняков.

Но огонь веры в собственную непогрешимость горел и в душах широких социалистов, стоявших за политическую нейтральность рабочих организаций в борьбе за близкие и понятные цели. Под патронажем БРСДП(ш. с.) сформировалось другое объединение трудящихся – Свободный общерабочий синдикальный союз (СвОРСС). Трещина между тесными и широкими социалистами с годами углублялась, их взаимная неприязнь приобретала форму ненависти, расхождение в тактике и идеологии превращалось в политическое противоборство. Спустя столетие всё это выглядит историческим заблуждением, трагической ошибкой, поскольку те и другие исповедовали марксистскую идеологию, и социальная база у обеих партий была одна и та же – рабочие, мелкие служащие, демократическая интеллигенция. А в начале века борьба между двумя социал-демократическими течениями шла нешуточная. Немалую роль в ней, вероятно, играло самомнение партийных лидеров, считавших для себя унижением сесть за стол переговоров с идейными противниками и хоть на йоту сомневаться в собственной непогрешимости. Опыт политической деятельности, в значительной степени состоящей из временных союзов и компромиссов, ещё только накапливался.

Димитров оказался, что называется, на острие этого ожесточённого противостояния. Особенно явственно проявлялось оно на медных рудниках в окрестностях города Враца. Местная организация широких социалистов, возглавляемая адвокатом Крстю Пастуховым, считала Врачанский округ своим уделом и препятствовала тесняцкой агитации. Но Димитрову удалось перетянуть на сторону ОРСС несколько десятков рудокопов. «Злополучным обгцедельским политиканам нигде не везёт, – торжествуя прокомментировал он это событие в газете «Работнически вестник». – Шахта „Плакалница“ была единственным местом, где у них оставалась надежда окружить себя известным числом промышленных рабочих. Но – горькое разочарование!.. Рабочие не хотят отделяться от Союза горнорабочих, они хотят быть вместе, плечом к плечу со своими братьями – горняками всей страны»¹⁶.

Однажды под Врацей на Димитрова напали какие-то бродяги, вооружённые дрекольем, и только благодаря подоспевшим рабочим удалось избежать серьёзных последствий. Возможно, нападение произошло по наущению Пастухова – ведь подобные методы устрашения политических противников не считались на Балканах предосудительными. Время от времени случались и политические убийства (это называлось *гасить свечи*). Не исключено, что именно личное мужество Димитрова, не прекратившего свою работу во Враце, способствовало тому, что «тесняцкая» профсоюзная секция на медных рудниках стала расти, а синдикат, созданный широкими социалистами, потерял влияние.

На XVI партийном съезде в 1909 году Димитров по предложению Благоева был выдвинут в состав ЦК партии тесняков. А накануне на VI съезде ОРСС Димитрова избрали секре-

тарем-казначеем союза. Он сменил на этом посту Георгия Киркова, который полностью переключился на партийную работу.

К концу 1900-х годов в Болгарии насчитывалось более 330 тысяч наёмных рабочих, преимущественно батраков. Отряд промышленных рабочих насчитывал несколько десятков тысяч. Обретая классовое сознание, пролетариат учился отстаивать свои права. В конце 1911 года в рядах ОРСС состояло шесть с лишним тысяч человек, а к осени 1912-го – уже восемь с половиной тысяч. Не менее впечатляюща статистика стачечного движения. Если в 1904 году в Болгарии было зарегистрировано всего 15 стачек, то в 1910 году их число увеличилось до 218, при этом в 163 случаях организатором стачек, а иногда и руководителем, являлся Георгий Димитров.

В брошюре «Профсоюзное движение в Болгарии» он подвёл черту под «детским периодом» болгарского профсоюзного движения и сделал вывод, что оно крепко стоит на ногах. Для рабочих, лишённых самых обычных радостей жизни, профсоюз является единственной поддержкой.

Невежество и грубость нравов уступают место пролетарской морали, стремлению к знаниям, классовой солидарности.

Автор брошюры (это была его первая работа, вышедшая отдельным изданием), разумеется, не мог обойтись без критики СвОРСС. Он рассказал о случае почти анекдотическом: один из деятелей этого объединения долгое время получал денежное довольствие от Международного секретариата профсоюзов¹² для несуществующего профсоюза сортировщиков яиц. Не названный по фамилии председатель «яичного профсоюза» объявился сам и подал на Димитрова в суд за публичное оскорбление личности. После довольно длительного разбирательства суд приговорил «обидчика» к тюремному заключению сроком на один месяц, и 10 июля 1912 года Димитров был водворён в тюрьму.

Прервём здесь ненадолго повествование и оставим нашего героя на пороге его первого училища, чтобы немного поразмышлять над пройденным им жизненным отрезком, тем более что повод для этого более чем уместный: Димитрову исполняется тридцать лет. Как случилось, что он столь решительно и, что очевидно, – бесповоротно избрал для себя путь рабочего вожака, революционера? Почему и зачем? Ведь существовали же другие варианты. Например, вполне можно вообразить Георгия Димитрова хорошо оплачиваемым мастером типографского дела. Он мог бы удачно жениться и завести приличный дом. Мог бы, пожалуй, скопив денег, приобрести небольшое печатное заведение и ежегодно приращивать его доходы умелым и культурным ведением дела. То есть, вёл бы такой же образ жизни, какой вели тысячи его соотечественников, осознавших себя европейцами и патриотами независимой Болгарии. Разве есть что-либо предосудительное в том, что человек обращает данные ему способности на удовлетворение своих потребностей и своим трудом созидает материальные и духовные ценности?

Но время от времени на историческую арену выходят люди, охваченные необоримым стремлением направить свои таланты не на себя, а на изменение и усовершенствование окружающего мира, не ожидая за это никакого вознаграждения и сознательно рискуя собственным благополучием, здоровьем и даже жизнью. Русский учёный Лев Гумилёв назвал их *пассионариями* (от латинского *passio*, что означает «страсть») и показал, что такой импульс поведения человека составляет основу «антиэгоистической этики, где интересы коллектива, пусть даже неверно понятые, превалируют над жадой жизни и заботой о собственном потомстве». (Тут невольно вспоминается идея разумного эгоизма, высказанная в романе Чернышевского.) Димитров принадлежал именно к такому психологическому типу людей, чьи поступки диктуются мотивами, выходящими за рамки традиционного здравого смысла.

¹² *Международный секретариат профсоюзов* – первое международное объединение профессиональных организаций, основанное в 1901 г. Впоследствии преобразован в Международную федерацию профсоюзов.

Вместо терпеливого восхождения по ступеням перспективной профессии – неожиданный переход на невысоко оплачиваемую и нестабильную должность управляющего профсоюзными делами.

Вместо нацеленности на обеспечение собственного благополучия – сострадание к униженным и обездоленным, стремление улучшить их существование.

Вместо размеренной жизни добропорядочного столичного обывателя – организация социалистической пропаганды и забастовок, чреватая неприятностями.

Вместо приспособления к действующей политической системе – вступление в ряды самой радикальной из действующих в стране партий, провозгласившей своей целью непримиримую классовую борьбу за свержение господствующего строя.

Вместо расчётливой женитьбы на девушке из хорошей семьи и с достойным приданым – брак по любви с иностранкой, уже побывавшей замужем, не имеющей никакого имущества, кроме швейной машинки, и зарабатывающей на жизнь своим трудом.

«История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучшие поставленные слои рабочих, – писал В.И. Ленин в 1899 году. – Из них главным образом берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории. Всякое жизненное рабочее движение выдвигало таких вождей рабочих...»¹⁷. Эти относительно небольшие, но влиятельные слои Ленин называл *рабочей интеллигенцией*.

К тридцати годам жизненный выбор Димитрова уже многократно подтверждён, образ революционера-пассионария XX века почти сформирован, хотя ещё будет дополняться новыми красками.

Настоящей тюрьмы в Софии тогда не было. Заключённых держали в бывшем медресе возле мечети (*джамии*) с высоким минаретом чёрного цвета. По таковой причине это помещение именовалось Чёрной джамией. Вот как описывал тюрьму сам Димитров: «От прежней турецкой мечети сейчас здесь осталось всего пятнадцать келий, в которых до освобождения Болгарии турецкие дервиши зубрили Коран и молились Аллаху и его пророку Мухаммеду. На месте мечети сейчас построена церковь, колокол которой, подаренный воров Мициевым, бьёт по десять раз на день»¹⁸.

В мрачной и сырой камере, куда поместили Димитрова, оказалось пятнадцать арестантов – юнцы, попавшиеся на мелких кражах, карманники, старики-рецидивисты и нелояльные трону журналисты. «Тебе разрешено приходить только по вторникам и пятницам, – известил он Любу. – Поэтому пиши мне каждый день, сообщай всё самое важное, что делается у наших, о чём сообщает пресса, потому что газеты сюда приносить не разрешают».

Первое свидание пришлось на пятницу. Георгий смотрел на Любу через решётку тюремных ворот и рассказывал, что живётся ему здесь совсем неплохо. Обитатели камеры покупают продукты и готовят сами, среди журналистов нашёлся превосходный кулинар. В общий котёл идёт и то, что приносят родственники. Масса свободного времени и никаких забот. Поэтому есть возможность вволю поработать. В статьях для «Работнически вестника» он собирается раскрыть порочную систему буржуазного правосудия и пенитенциарной системы. Он уже придумал название: «Письма из Чёрной джамии».

Бодрость Георгия была явно наигранной, но Люба приняла правила игры. Её очередное письмо переполняет оптимизм: «В твоём аресте, дорогой Жорж, есть хорошие и плохие стороны, но я вижу только хорошие. Меня радует то обстоятельство, что именно ты стал первой жертвой, которая принесена нами сейчас.<...> Но есть что-то, что побуждает меня благосло-

вить твоих врагов, которые твоим осуждением дали возможность ещё раз заглянуть в души наших рабочих. Как беспредельно они любят тебя! И как глубока, искренна и чиста эта любовь к их Георгию Димитрову!» В конце письма стояли стеснительные фразы: «Обо мне не беспокойся. Одно только меня смущает – денежный вопрос, всё остальное хорошо. Несмотря на усиленную экономию, денег уходит невероятно много». И горестный вздох: «Сегодня шестой день твоего заключения. Какие длинные сейчас дни. Л.»

Он знал, почему дни стали такими длинными: разлука любящих людей всегда тягостна.

Вспомнилось, как потрясло Любу известие о смерти Лафаргов. Поль Лафарг и Лаура, последняя из дочерей Маркса, счастливо прожили долгую совместную жизнь и ушли из неё вместе. Лафарг давно принял решение покончить с собой, как только достигнет семидесяти лет, когда неумолимая старость неизбежно начнёт отнимать одну за другой радости и удовольствия жизни и превращать человека в бремя для других и для себя. Лаура последовала за ним. Хотя Французская социалистическая партия и осудила поступок Лафаргов, Люба и Георгий увидели в нём величие духа и торжество взаимной любви: ведь они не дали смерти шанса разлучить их друг с другом.

Уход Лафаргов побудил Любу (Георгий знал это наверняка) задуматься о том, что когда-нибудь один из них оставит другого в одиночестве.

Именно в дни вынужденной разлуки перед ней открылась во всей реальности опасность, с которой сопряжена жизнь революционера, ведь не случайно появилась в её письме тема *жертвы*.

Но Люба должна верить, что с Георгием ничего плохого не может случиться. Карандаш быстро заскользил по бумаге: «Какое это счастье, милая Люба, быть социал-демократическим борцом, воодушевляться великим социалистическим идеалом. Моя судьба заключённого, окрылённого твоей любовью, – легка. Самый счастливый заключённый в этом пекле, несомненно, я. Это счастье может быть омрачено только беспокойством за тебя. Хочу, милая, чтобы ты ни о чём не тревожилась. Каждую секунду я мысленно с тобой. Будь тверда и бодра.

Горячо целует тебя твой Жорж.

Читаю сейчас второй том мемуаров Бебеля»¹⁹.

С тех пор как Георгий купил брошюру Августа Бебеля «Профессиональное движение и политические партии» и проработал её от первой до последней строчки, прошло лет пять, не меньше. А он и теперь мог процитировать по памяти слова автора: «Однако прежде всего я должен протестовать против того извращения моих мыслей, которое особенно распространено среди известной части буржуазной печати, и которое приписывает мне защиту неполитических профессиональных союзов, или, что то же, некоторого нейтралитета». В полемике с общедельцами Георгий не раз использовал встреченное в работе Бебеля сравнение «неполитических» профсоюзов с ножом без рукоятки. Вслед за патриархом германского рабочего движения он неустанно доказывал, что профессиональные организации должны проводить единственно верную политику – политику классовой борьбы.

Бебель мог бы остаться лишь автором актуальных политических работ, если бы не его двухтомник «Из моей жизни». Мемуары одного из основателей Германской социал-демократической партии стали для Георгия поучительным откровением, он находил в них параллели с собственной судьбой. Родившийся в бедной семье прусского унтер-офицера мальчик испытал раннее сиротство и взросление. Выучился на токаря, участвовал в первых рабочих организациях Германии, долгие годы занимался самообразованием и искал своё место в политической борьбе. Стал первым рабочим – депутатом рейхстага и дважды подвергался суду и тюремному заключению за социалистическую пропаганду и антивоенные речи.

Нет, не случайно Люба прислала ему второй том мемуаров с припиской: «Посылаю тебе твоего любимого Бебеля»...

1912–1923. Благо революции – высший закон

*Тросами, рычагами по небесным мостам своими руками рай
опустим к нам – вниз – на разбитую. И вот что писали поэты,
философы, сбудется!*

Гео Милев

Перед нелегальной поездкой в Советскую Россию. 1921

Комета Галлея, таинственная скиталица Космоса, грозно прочертившая небо Европы в 1910 году, насытила общественную атмосферу грозным электричеством. Множились разнообразные предсказания страшных бедствий, которые ожидают человечество, газеты пестрели военной лексикой. Но Европа веселилась, веселилась отчаянно – так торопится всё живое прожить последние тёплые деньки осени, чувствуя приближение зимы. Когда Коларов и Димитров приехали в Будапешт на международную конференцию национальных профсоюзных центров, город поразил их полицейским произволом, бешеными ценами и бесшабашным разгулом. Предметом всеобщего обсуждения стало появление шальвар – широких дамских брюк на манер восточных, придуманных то ли венским, то ли будапештским модельером.

Балканский порох

Авторство грозной формулы «Балканы – пороховой погреб Европы» приписывают Бисмарку. Иногда вместо «порохового погреба» фигурирует «пороховая бочка», но «погреб» выразительнее. Во-первых, он объёмнее и, следовательно, опаснее бочки; во-вторых, на географической карте Балканы расположены как бы под европейским домом, в подвальном помещении, или, как любят выражаться журналисты, – в подбрюшьи Европы.

Но почему там оказалось столько пороху, что и до сих пор опасность взрыва не миновала? Ответ кроется в европейской политической истории XIX века, когда в связи с греческим национально-освободительным движением против Османской империи возник так называемый Восточный вопрос. Трактую его содержание и обзревая события на балканском направлении, советские историки обычно указывали на столкновение интересов великих держав в борьбе за османское наследство и за влияние на молодые независимые государства, за контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, за новые рынки и сырьевые источники. Это, разумеется, верно. Но оставались в тени (разумеется, из лучших намерений – «чтобы не обидеть друзей») непомерные амбиции и авантюрные замыслы правителей балканских государств, националистические настроения, охватывавшие временами значительные слои населения стран региона. Во дворцах монархов вынашивались планы конструирования «Великой Сербии», «Великой Болгарии», «Великой Греции», «Великой Румынии»; рождались и лопались неискренние союзы и тайные договоры, предполагающие расширение собственной территории за счёт соседа. Хмель молодой свободы кружил головы, породил кураж.

Постоянно напоминал о себе нерешённый национальный вопрос. Средоточием острого противоборства между Болгарией, Сербией и Грецией стала Македония – обширная историко-географическая область, границы которой можно очертить так: верховья реки Южная Морава – Охридское озеро – Эгейское море – горные массивы Рила и Родопы. Ныне часть этой историко-географической области принадлежит Греции (Эгейская Македония), часть – Болгарии (Пиринская Македония), а часть, называвшаяся некогда Вардарской Македонией, сравнительно недавно стала независимым государством под названием Республика Македония.

Через Македонию прокатились волны многочисленных нашествий и переселений народов, в результате чего здесь образовался чрезвычайно пёстрый в этническом, языковом и религиозном отношении конгломерат с преобладанием православных славян. Македония по праву считается колыбелью славянской (староболгарской) письменности и книжности. Именно отсюда, из города Солунь (Салоники), происходили первоучители славянские – братья Кирилл и Мефодий. Святитель Климент, ученик Кирилла и Мефодия, основал Охридский монастырь, ставший крупнейшим центром славянского просвещения. Турки-османы, захватившие Македонию в XV веке, надолго прервали самостоятельное развитие славянской общности, превратив регион в плацдарм для дальнейшей экспансии в Европе.

Язык, на котором говорили македонские славяне (говорят и сейчас), очень близок болгарскому, так что учёные-слависты называли его (многие называют и сейчас) диалектом болгарского, а многие политические деятели считали македонцев (и сейчас считают) не самостоятельным этносом, а этнографической группой болгар. По болгарским данным, в 1900 году в исторической Македонии проживали болгары – 1 миллион 180 тысяч человек, турки – 500 тысяч, греки – 228 тысяч, албанцы – 128 тысяч, румыны – 60 тысяч, евреи – 67 тысяч, цыгане – 54 тысячи и т. д.¹³

¹³ Данные переписи населения Республики Македония (2007) иные: македонцы – 1 млн 300 тыс., болгары – 1,5 тыс., албанцы – 500 тыс., турки – 78 тыс. Таков результат формирования у жителей региона этнической идентичности в период существования Республики Македония – сначала в составе федеративной Югославии (с 1945 г.), а затем как независимого государства (с 1991 г.).

Поскольку решение Берлинского конгресса 1878 года об образовании во владениях Османской империи с преимущественно славянским населением автономных областей не было выполнено в полной мере, появился прецедент для силового решения этого вопроса. Возникшая в конце XIX века Внутренняя македонско-одринская революционная организация (ВМОРО) добивалась создания в Македонии и Одринском вилайете (Восточной Фракии) автономии, вплоть до отдельного государства. Один из видных деятелей ВМОРО Дамян Груев провозгласил: «Мы боремся за автономию Македонии и Одринского края ради того, чтобы сохранить их целостность как этап их будущего присоединения к общему болгарскому отечеству». Организация использовала не только политические методы борьбы, но и проводила вооружённые акции, направленные против турецких властей. В глазах изображённых на фотографиях той поры суровых бородатых мужчин, живописно одетых и устрашающе вскинувших оружие под развёрнутым стягом с надписью «Свобода или смерть», читается мрачная решимость исполнить до конца свой долг.

Итак, к 1912 году пороха в балканском погребе накопилось достаточно, не хватало только искры. Эту роль сыграл союзный договор между Болгарией и Сербией, к которому было приложено секретное дополнение. Договор закрепил намерение двух государств решить македонский вопрос военным путём и поделить отвоёванную у Турции территорию. Впоследствии Болгария заключила аналогичное соглашение с Грецией.

Социал-демократы предлагали иной путь решения национального вопроса. На I Балканской социал-демократической конференции, состоявшейся в Белграде в декабре 1909 года, подробно обсуждался проект Балканской федерации – союза разноплеменных народов, исповедующих различные религии. Будучи интернационалистами, социал-демократы видели в создании федерации единственный путь справедливого решения национального вопроса на Балканах и преодоления межгосударственного соперничества, грозящего вооружёнными конфликтами.

В составе делегации БРСДП(т. с.), которую возглавлял Димитр Благоев, находился и Димитров. Он впервые выехал за границу и был в восхищении от Белграда. На коллективной фотографии участников конференции мы видим Димитрова на переднем плане, но чуть поодаль от центра, занятого партийными лидерами с внушительными бородами. Он в лёгком распахнутом пальто, из-под которого виднеется тёмная тройка, на голове мягкая шляпа, в руке тросточка.

Кроме болгар, в конференции участвовали социал-демократы Сербии, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении, Македонии, Греции, Румынии и Турции. Георгий на три дня погрузился в водоворот международных проблем. Он внимал выступлениям, в которых вырисовывались контуры будущего балканского дома: федерация демократических республик, имеющих равные права, местное самоуправление, национальные языки и культуры и в то же время общий парламент и правительство, отвечающее за внешнюю политику, оборону, финансы и другие важнейшие сферы жизнедеятельности федеративного государства.

Летом и осенью 1912 года Болгария жила ощущением приближения войны. Из Македонии и Фракии приходили вести о боевых акциях ВМОРО и расправах турецких вооружённых сил с мирным населением. Газеты будоражили воображение граждан планами будущей Болгарии «от Чёрного моря до Охридского озера». Иностранные займы царь Фердинанд¹⁴ и его правительство направляли на милитаризацию страны.

¹⁴ В сентябре 1908 г. Болгария объявила о своей полной независимости и прекратила выплачивать дань Османской империи, а князь Фердинанд I был провозглашён царём болгар. Турция заявила протест, и в воздухе запахло новой войной. Только в апреле 1909 г. под давлением России и Англии Турция подписала договор о признании независимости Болгарии.

Тесняки заняли бескомпромиссную антивоенную позицию. Георгий Димитров писал в газете «Рабочнически вестник»: «Прикрываясь привлекательными лозунгами национального объединения болгарского народа и освобождения „порабощённых братьев по ту сторону Рилы“ – лозунгами, которые возможно реализовать только через войну с Турцией, – болгарская буржуазия руководствуется чисто эгоистическим расчётом: оправдать свою безумную националистическую и династическую политику, ради которой она годами выжимала жизненные соки из широких народных масс, и извлечь известную выгоду при эвентуальном разделе Турецкой империи»²⁰.

Нельзя не заметить в этих словах односторонность подхода тесняков к решению запутанного национального вопроса. Будучи интернационалистами и твёрдыми сторонниками демократической федерации народов Балканского полуострова, обличая шовинизм и алчность болгарской буржуазии, они не сумели увидеть в надвигавшейся войне освободительную миссию по отношению к славянским народам, ещё находившимся под властью Османской империи.

Царский манифест о начале войны стал той новостью, которую давно ожидали. Толпы народа повалили 26 сентября 1912 года в центр Софии. Горожане радостно обнимали друг друга, качали подвернувшихся под руку солдат и офицеров и предсказывали скорую победу болгарского оружия. То здесь, то там люди принимались петь болгарский гимн, напоминающий военный марш:

Шуми Марица
окървавена.
Плаче вдовица,
люто ранена.
Марш, марш
с генерала наш!
В бой да летим,
враг да победим!¹⁵

Чувства простых людей были искренни. Направленный против Турции военный союз Болгарии, Греции, Сербии и Черногории воспринимался ими как продолжение справедливого дела национального освобождения единоплеменников, порабощённых Портой. Балканская война вызвала сочувствие и солидарность в славянском мире. На Балканы снова поехали добровольцы, начался сбор денежных средств. Именно под впечатлением этих событий трубач кавалерийского полка из Тамбова Василий Агапкин написал марш «Прощание славянки», ставший музыкальным памятником женщинам, провожающим на битву своих мужей и сыновей.

Война постучалась и в дом Димитровых. Мобилизационное предписание получил Костадин – статный красавец с шапкой густых русых волос.

Георгия мобилизация обошла стороной. Известна фотография, на которой он запечатлён в военной форме, однако в армию он так и не был призван. Одно из объяснений этого факта таково: власти сочли за благо не допускать в армейскую среду социалистического агитатора и смутьяна, не признающего никаких границ в своём безудержном обличении правящего режима. Ведь даже в «Письмах из Чёрной джамии», опубликованных в партийной газете, он,

¹⁵ Болгарским национальным гимном (1886–1944) стало положенное на музыку стихотворение учителя Николы Живкова, где отражены страшные последствия Апрельского восстания 1876 г. (воды реки Марицы, окрашенные кровью жертв башибузуков, страдающая от ран вдова и т. д.). «Генерал наш» – это русский генерал М.Г. Черняев, командир болгарской добровольческой дружины, в которой состоял и Никола Живков. Со временем память об историческом прототипе стёрлась, и «генерал» стал просто командующим, под которым мог подразумеваться и болгарский царь. В ноябре 1912 г. охваченный патриотическим порывом Иван Вазов создал новую редакцию гимна, приведённую здесь.

будучи заключённым, не побоялся назвать правительство «ворами и разбойниками в министерских креслах».

Приходя по утрам на работу, Димитров первым делом внимательно прочитывал сообщения газет с театра военных действий. Слабеющая Турция («Больной человек на Босфоре», по давнему выражению Бисмарка) не могла сдерживать натиск воодушевлённого болгарского войска. Один за другим сдавались на милость победителей города, население радостно приветствовало освободителей. Васил Коларов, служивший подпоручиком в полку, занявшем македонский город Штип, записал в своём военном дневнике: «Мужчины, девушки, женщины, дети, старики – все здесь во главе с народной милицией в турецком обмундировании, но с крестами на шапках. Несмолкающее „ура!“ отдаётся эхом в далёких горных теснинах. Крики радости, слёзы счастья, цветы в знак невыразимой благодарности».

Конечно, то был неполный портрет войны. Коларов с возмущением рассказывает, как те же болгарские солдаты, которых горячо приветствуют как освободителей, подвергаются унижениям и позорящим человеческое достоинство наказаниям. «Солдата, посланного сражаться за Болгарию трудящегося крестьянина, у которого есть отец, мать, жена и дети, – пишет он, – здесь выставляют на позор перед строем однополчан, которые смотрят, как с него стаскивают штаны и по приказу командира один из его товарищей наносит ему 25 ударов палкой»²¹.

Вернувшиеся с фронта по ранению солдаты рассказывали о разорении цветущих городов и сёл, о страшном новом оружии – пулемётах. Каждый день в Софию прибывали команды искалеченных людей. Уже переполнены были больницы и школы, а поток всё не иссякал. Софийне обходили раненых и контуженных стороной – боялись холеры.

Выпуск газеты «Работнически вестник» был приостановлен из-за публикации манифеста БРСДП(т. с.) против войны. Георгий Димитров печатал в социал-демократических газетах Сербии и Германии статьи о жертвах, которые приносит Болгария на алтарь войны, об алчных промышленниках и торговцах, устремившихся на завоёванные болгарскими солдатами земли. Одну из его статей опубликовала «Правда». Газета русских большевиков, поступавшая в книжную лавку тесняков, уделяла много внимания Балканской войне и поддерживала интернационалистскую позицию партии тесных социалистов. «Сознательные рабочие балканских стран первые выдвинули лозунг последовательного демократического решения национального вопроса на Балканах, – писал в «Правде»

В.И. Ленин. – Этот лозунг: федеративная балканская республика. Слабость демократических классов в теперешних балканских государствах (пролетариат немногочислен, крестьяне забиты, раздроблены, безграмотны) привела к тому, что экономически и политически необходимый союз стал союзом балканских монархий». Несмотря на это, подчёркивал Ленин, сделан «великий шаг вперёд к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе»²².

В результате войны Македонию поделили между собой Болгария, Сербия и Греция. Болгария получила выход к Эгейскому морю. На карте Европы появилось новое государство – Албания.

Умолкли выстрелы и взрывы на полях битв, а известий о Костадине Димитрове всё не было. Его след затерялся на Чаталджинском плато, где в неподготовленном должным образом наступлении на Стамбул, затеянном по личному приказу царя, погибли тысячи солдат. Среди них оказался, как известила пришедшая с большим опозданием в дом на Ополченской казённая бумага, и рядовой VII пехотного полка Костадин Димитров. На столбе у калитки, через которую ушёл навсегда Костадин, появился квадратик траурного крепа. А матушка Парашкева покрыла голову чёрным платком – отныне она станет носить его до конца жизни.

Беда, как известно, не приходит одна. Пятого июня 1913 года второй знак горя появился на воротах дома: умер хозяин, Димитр Михайлов. Сидя у его гроба, Георгий вглядывался в изменившиеся черты отцовского лица и думал о том, что жил этот обыкновенный человек

незаметно – работал, растил детей и так же незаметно, словно стараясь не докучать никому своей смертью, оставил этот мир, полный несправедливости и горя.

Дом на Ополченской перестал играть роль общего очага. В предвоенные годы постепенно опадали скрепы, удерживающие большую патриархальную семью. Магдалина жила в Самокове. Улетел из родного гнезда Никола – в 1908 году отправился на заработки в Одессу. Не вернулся с войны Костадин. И после смерти главы семейства решено было часть дома сдать жильцам, чтобы обеспечить содержание для матушки Парашкевы. Она подолгу жила в Самокове у Барымовых. Большую часть года проводили там и младшие дети – Борис, Тодор и Елена, которых удалось устроить в гимназию. По ходатайству Стефана Барымова они были освобождены от платы за обучение и пансион, но, подобно другим детям из малоимущих семей, должны были прислуживать на кухне, убирать двор и классы. На Ополченской остался лишь Любомир, работавший на железной дороге.

Георгий и Люба подыскали себе квартиру за Владайской речкой, на улице Козлодуй, ещё до утрат 1913 года. И это, судя по всему, произошло не по доброму желанию, а вынужденно. Отношение к Любе со стороны свёкра и свекрови постепенно менялось. Годы идут, а ребёнка родить не может, жалуется на бессонницу, слабость, нервничает по пустякам – уж не порченная ли она? Матушка Парашкева даже водила невестку к знакомому доктору, тот наговорил много непонятных слов о нервном расстройстве и неустойчивой психике. В доме тлеяла неприязнь к сербиянке, которая не была и не хотела быть такой, как все болгарские замужние женщины.

Отголосок какого-то скандала, разразившегося в отсутствие Георгия, сквозит в гневных строчках его короткого письма, отправленного Любе из Белграда 29 декабря 1911 года: «Никогда не ожидал, что тебя могут облить такой грязью – и это в нашем доме. Бесподобно низкая, отвратительная культура!»

Балканский союз, как и следовало ожидать, оказался недолговечным. Скрытое соперничество между союзниками по поводу дележа отвоёванных у Турции территорий началось сразу после заключения перемирия. Сербия и Греция подписали между собой новый тайный договор и военную конвенцию, что София расценила как антиболгарский акт. И царь Фердинанд решил первым нанести удар по бывшим союзникам. Июньской ночью 1913 года болгарские войска напали без объявления войны на сербские и греческие позиции в Македонии. Вслед за Сербией и Грецией повернули оружие против Болгарии Румыния и Турция.

Исход Межсоюзнической (Второй Балканской) войны был predetermined и плачевен: Болгария потерпела поражение и потеряла значительную часть территорий, добытых кровью её мужественных солдат. К Румынии отошла территория плодородной Южной Добруджи. Почти всю Македонию поделили между собой Сербия и Греция. Болгария сохранила только часть Фракии, что давало ей выход к Эгейскому морю.

В двух войнах Болгария потеряла 55 тысяч человек убитыми. Десятки тысяч вернулись с фронтов инвалидами, многочисленные беженцы наводнили страну. Тысячи крестьянских хозяйств и предприятий разорились. Таковы были плоды авантюристической политики царя и правительства. И общество вынесло суровый приговор правящему режиму, назвав случившееся национальной катастрофой.

«„Национальное объединение христианства на Балканах“ дошло до неслыханного взаимного истребления балканских народов и разорения Балкан», – заявил в сербской газете «Глас слободе» Георгий Димитров²³. Две скоротечные войны оставили в его душе тяжёлый осадок. Стало окончательно ясно, что голосу разума нет места во дворцах и парламентах. Клятвы монархов и заверения политических деятелей ничего не стоят, ложью пропитаны все поры этого мира, где властвуют страсть к наживе и обман, – мира насилия, который заслуживает того, чтобы его разрушить.

Как стать депутатом

Осенью 1913 года Международный секретариат профсоюзов решил оказать финансовую помощь болгарским синдикатам, работу которых расстроила война. При этом было выдвинуто условие: объединить существующие в стране «тесняцкие» и «общедельческие» союзы. Этот вопрос обсуждался на международной конференции в Вене, куда отправился секретарь-казначей ОРСС Георгий Димитров. Он привёз целую кипу документов и сделал обстоятельный доклад, из которого следовало, что руководимые тесняками профсоюзы работают успешнее, чем те, что находятся под крылом широких. Тем не менее конференция высказалась за слияние тех и других на равноправной основе. Предполагалось провозгласить политическую нейтральность профсоюзов, с чем не могли согласиться тесняки. БРСДП(т. с.) придерживалась решений Штутгартского конгресса II Интернационала¹⁶, который высказался за сближение профсоюзов с социалистическими партиями. Считалось, что профессиональные организации выражают интересы рабочих отдельных отраслей, в то время как марксистская партия выражает общие интересы рабочего класса, руководит его политической борьбой. «У болгарского пролетариата нет желания соглашаться на опасные эксперименты, – заявил на конференции Димитров. – Второе десятилетие профсоюзного социалистического движения должно быть ознаменовано полным единством, но оно не может не опираться на ту прочную основу, на которой зиждутся болгарские социал-демократические профессиональные союзы».

Защита интересов трудящихся и бедноты, женщин и молодёжи, борьба против капиталистической эксплуатации, монархии и милитаризма, за демократическую республику, непоколебимая вера в торжество социализма, который победит в первую очередь в самых развитых капиталистических странах, – таковы были принципиальные основы деятельности партии тесняков. Возглавляемая Димитром Благоевым партия считала всю болгарскую буржуазию монархической, милитаристской и националистической и потому не способной ни на какие демократические преобразования. Столь же иллюзорны надежды на мелкую буржуазию и представляющие её политические партии, поскольку они находятся под влиянием господствующих властей. Лишь в пролетариате, руководимом революционной социал-демократией, видели тесняки общественную силу, призванную в будущем осуществить демократические преобразования и довести до конца дело освобождения труда. Из таких посылок вытекала проводимая тесняками радикальная тактика самостоятельной классовой борьбы и неприятия блоков с организациями, не разделявшими идеологию партии, даже если они назывались рабочими и социалистическими. Тесняки были в этом смысле близки к большевикам. Не случайно Ленин с симпатией писал в 1908 году о болгарских «„узких“, т. е. революционных с.-д.», не забыв отметить, что «в Болгарии есть ещё „широкие“, т. е. оппортунистические с.-д.»²⁴.

Из нашего XXI века с его культом потребления и личного успеха трудно представить огромную роль, которую играли в общественной жизни сто и более лет назад масштабные идеи, в том числе социалистическая идея, какие человеческие драмы разыгрывались из-за идейных расхождений. В канун Первой мировой войны II Интернационал переживал поистине золотой век. В социалистических партиях состояло 4 миллиона 200 тысяч человек, а в профессиональных союзах – 13 миллионов, издавалось 656 социалистических газет, число социалистических депутатов в европейских парламентах возросло до 700.

Гуманистические и демократические ценности, проповедуемые партиями II Интернационала, привлекали внимание миллионов, подтверждая тем самым справедливость утвержде-

¹⁶ II Интернационал (Социалистический Рабочий Интернационал) – международное объединение социалистических партий, возникшее в 1889 г. Правопреемником II Интернационала объявил себя созданный в 1951 г. и существующий поныне Социалистический Интернационал – Социинтерн.

ния Маркса, о том, что идея, овладевшая массами, становится материальной силой. В мемуарах русской и итальянской социалистки Анжелики Балабановой содержится следующее свидетельство: «Последний конгресс Первого интернационала, организованный Марксом и Энгельсом, проходил в небольшом кафе в Гааге в 1872 году. Когда Шестой конгресс Второго Интернационала собрался в 1907 году, он проходил в самом большом зале Штутгарта. На нём присутствовала одна тысяча делегатов, а пятидесятитысячная толпа образовала демонстрацию, с которой конгресс и начался. Немецкий город был выбран как вызов германским автократам и как демонстрация нашей силы. В довоенный период социалистические силы неуклонно росли год от года, и в 1907 году, когда женщины и большая часть рабочих были ещё лишены избирательного права, партии, присоединившиеся к Интернационалу, располагали почти десятью миллионами голосов»²⁵.

Болгарская социал-демократия также стала влиятельной силой. Тесняки и широкие социалисты имели свои парламентские группы, газеты, направляли деятельность профессиональных союзов. Концепция «самостоятельного действия» тесняков видится из сегодняшнего дня очевидным заблуждением. Вряд ли, однако, будет справедливо ограничиться такой констатацией, не приняв во внимание исторические обстоятельства. Преувеличенная забота о собственной самостоятельности, чистоте, самоопределении характерна для всех общественных движений в пору их вызревания, что объясняется потребностью выжить, отгородиться от всего, что несёт движению угрозу гибели.

Поздней осенью 1913 года Димитров отправился во Врачанский округ, где ему предстояло баллотироваться в депутаты Народного собрания от партии тесняков. В ЦК надеялись, что популярность молодого кандидата в рабочей среде позволит ему опередить соперников из других партий.

Во Враце Георгий и в самом деле чувствовал себя как дома. Ему нравились обрамлённые липами улицы, вдоль которых тянулись городские присутствия, харчевни и особняки с похожими на бонбоньерки балконами. На широкой площади стоял памятник Христо Ботеву, напоминающий о том, что поэт-революционер погиб в бою в окрестностях Врацы во время восстания 1876 года.

Во Враце у Георгия было немало верных товарищей. Они организовали его выступление в партийном клубе, корчме и читальнице¹⁷. Закончив дела в городе, Георгий отправился в сопровождении местного тесняка Ангела Анкова по деревням, где жили рабочие медных рудников. Днём они встречались с избирателями, а вечерами и ночами передвигались от села к селу, чтобы использовать светлое время суток исключительно для агитации. Вымотались и устали невероятно. Георгий простудился, охрип, однако Любе писал о другом: «Этим вечером прошло отличное собрание в селе Лютиброд, где живёт много рабочих Елисейны. Сейчас отправляюсь в Елисейну, там переночую, а завтра буду в „Плакалнице“. Обо мне не беспокойся – всё идет хорошо».

В Елисейне Димитров и Анков зашли в корчму, куда после смены заглядывали рабочие медной фабрики. Когда в корчме сталолюдно, Анков выступил с речью. Дальнейшие события того вечера описаны в его воспоминаниях. Вот что рассказывает Анков: «В конце своей речи я сообщил, что известный всем Георгий Димитров является первым кандидатом тесных социалистов в народные представители по Врачанской избирательной коллегии. Это сообщение было встречено громкими криками одобрения и аплодисментами. Но когда я сказал, что Георгий Димитров находится здесь, началось неопишное. Все тут же вскочили с мест и закричали: „Где он?“, „Покажите его нам!“ – „Вот Димитров“, – указал я, и люди, роняя стулья, кинулись

¹⁷ Болгарское просветительское учреждение, клуб, в котором обязательно имеется библиотека.

к нашему столику. Все хотели пожать ему руку, требовали, чтобы он выступил, не обращая внимания на мои доводы о том, что он устал и не может говорить.

Это была не речь, а в полном смысле слова стихия, которая захлестнула всех. Рабочие жадно ловили каждое слово и шумно рукоплескали Димитрову. Когда же он кончил говорить, никто и не подумал уходить. Миновала уже полночь, а рабочие не расходились.

Наутро мы попросили, чтобы кто-нибудь проводил Димитрова до села Очиндол и на рудник „Плакалница“. С ним сразу пошло человек 50–60»²⁶.

Столь трогательные проявления искреннего чувства дорогого стоят. Димитров в глазах горняков, людей не склонных к сантиментам, был не просто заезжим агитатором, он был свой до мозга костей – упорно отстаивал требования стачечников, не чурался потолковать по душам с натуральными, из крови и плоти, пролетариями и разделить с ними кусок брынзы и кувшин вина.

Парламентские выборы 1913 года показали падение доверия к буржуазным и монархическим партиям, на которых лежала вина за национальную катастрофу и ухудшение материального положения трудящихся. Зато оппозиционным партиям, особенно Болгарскому земледельческому народному союзу (БЗНС), сопутствовал успех. БРСДП(т. с.) собрала 54 тысячи голосов и получила 18 мест в Народном собрании. Одним из народных представителей стал Георгий Димитров – не только самый молодой депутат в Болгарии, но и первый на Балканах депутат пролетарского происхождения.

Торжественного открытия парламента не получилось. Как только в зале появился царь Фердинанд, чтобы произнести тронную речь, с левых скамей раздались крики: «Долой монархию! Да здравствует республика!» Царь побагровел, смешался. Зал замер, и в тишине послышался нарочито громкий топот депутатов от партий тесных социалистов, широких социалистов, Болгарского земледельческого союза и Радикальной партии, покидающих зал Народного собрания в знак протеста против присутствия царя.

О предательстве национальных интересов страны дворцовой камарильей Димитров накануне разговаривал с Коларовым. Басил сравнил внешнюю политику Фердинанда с маятником: кивок Австрии, когда ему потребовался титул царя, – кивок России, когда задумана была война. Теперь же, после сокрушительной катастрофы, взор царя снова обратился к Вене.

Парламент просуществовал всего тринадцать дней. Не имевшее конституционного большинства правительство во главе с убеждённым сторонником австро-германской ориентации страны Василем Радославовым обязано было уйти в отставку. Однако вместо этого появился царский указ о роспуске Народного собрания и повторных выборах.

Новая кампания проходила в условиях небывалого террора властей против оппозиционных партий. В Бяла-Слатине предвыборное собрание, на котором выступал Димитров, было разогнано, местный партийный комитет арестован. Димитрова в сопровождении двух полицейских изгнали из города за то, что он, как было указано в протоколе, «подстрекал людей к бунту». Другой раз его арестовали в Берковице, потом во Враце, откуда отправили под конвоем в Софию. Он не видел в таких преследованиях ничего необычного, воспринимал их как должное. «Кто ищет спокойной жизни, тому не бывать социал-демократическим деятелем, – писал он Любе. – Неприятности не могут нас утратить».

Кандидат тесняков во Врачанском округе снова успешно прошёл выборное чистилище и набрал нужное число голосов.

На фронте здания Народного собрания красуется надпись «Съединението прави силата»¹⁸. Здание стоит на площади, куда вливается мощённый жёлтой плиткой бульвар Царя-

¹⁸ «Объединение рождает силу» – национальный девиз Болгарии, принятый после присоединения Восточной Румелии к

Освободителя. Сам же Царь-Освободитель – бронзовый император Александр II на коне – водружён на высокий пьедестал у парадного входа в Народное собрание. Черты лица императора под надвинутой на лоб фуражкой разглядеть трудно, зато фигуры русских солдат и болгарских ополченцев, несущих на плечах вестницу победы Нику, знакомы Георгию до мелочей. В дни работы парламента он проходит мимо памятника и поднимается по ступеням к распахнутым дубовым дверям, у которых застыли царские гвардейцы в парадной форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.